

Цскорка

Через годы былые...

*На уснувшей поляне
Между тёмных озёр
Тихо светит в тумане
Следопытский костёр.
Ёлки крыльями машут,
Светят звёзды с небес...
Следопытскую нашу
Песню слушает лес.*

*Убегает дорога
В непроглядной ночи,
Из далёка-далёка
Нам трубят трубачи.
Через годы былые
В несмолкающий бой
Трубачи полковые
Всё зовут за собой.*

*На далёкой тачанке
Всё строчит пулемёт,
Мчатся по полю танки.
В бой пехота идёт...
Все былые походы
И победы салют
К нам идут через годы,
Вместе с нами живут.*

*У цветка незабудки
Ты спроси про войну.
Ты прислушайся чутко,
Ты услышь тишину.
Пусть навеки укрыта
Чья-то слава в гранит,
Но ничто не забыто,
И никто не забыт.*

*Где над старым окопом
Колокольчик звенит,
Утром снова по тропам
Ты уйдёшь, следопыт.
Через годы былые
На дорогу отцов
Трубачи полковые
Созывают бойцов.*

газеты
«Ленинские
искорки» -
отдел
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

ФЕВРАЛЬ 1972

год издания XVI

Рис. Ю. Шабанова

А. МОЙЖЕС

Он был чуть постарше нас. Ходил в тельняшке, мечтал о море, водил нас в школу Подплава через весь город, куда-то в конец Садовой, к Калинкину мосту... Трамваев не признавал: под барабаны шагали по булыжной мостовой час, два...

Барабан сменялся речёвкой, речёвка — песней...

Моряки всегда ожидали нас, встречали возле училища. Откуда-то прибегал запыхавшийся Костя Збаравский, прикрепленный к отряду.

— В камбуз, в камбуз, — топил он ребят. Великолепный запах щей уже щекотал ноздри. Ох и нравились нам флотские щи!

Но не они были нашим главным увлечением. Нас ожидало много радостей: курсанты учили вязать морские узлы, сигнализировать флажками. Азбуку Морзе мы знали в совершенстве и даже дома между собой разговаривали так: «тире... точка... тире...»

Своего вожатого мы ласково называли Шуриком и готовы были идти за ним хоть на край света, а не только в конец Садовой... Почему его так любили? Трудно сказать. Весёлым нравом он не отличался. Зато часто придумывал самые, казалось, невероятные задания. Вот случай, о котором стоит рассказать, чтобы понять, каким он был, наш Шурик.

...Отряд, как ни странно, носил имя не морского героя, а самого земного, легендарного кавалерийского полководца — Будённого!

(Страничка воспоминаний)

Однажды Шурик собрал отряд. Три звена — «лётчики», «моряки», «кавалеристы» — выстроились. Вожатый обвёл всех грозным, как нам казалось, взглядом, остановился на нашем звене и громко скомандовал:

— Звено кавалеристов, шаг вперёд!

Шагнули, волнуемся, сейчас скажет что-то необычное. Так и есть.

— В Петроград прибыл Семён Михайлович Будённый. — Помолчал, изучая, какое впечатление произвело это сообщение на ребят. Убедившись, что все напряжённо слушают, продолжал: — Стыд и позор будет нашему отряду, если мы не увидим товарища Будённого. Звену кавалеристов поручается разыскать Семёна Михайловича и пригласить в отряд. И не когда-нибудь, а сегодня, а то может уехать.

Посмотрел вдруг на меня и добавил:

— Если прийти не сможет — попросишь заметку для стенгазеты, понятно?

Ещё бы не понятно. Я — редактор стенгазеты «Будённое».

Уселись на единственную скамейку в клубе и стали советовать, с чего начать поиск. Где может быть товарищ Будённый?

— Ясное дело, в кавалерийской части, — сказал кто-то.

Была такая где-то на Красноармейских. Не долго думая, помчались туда. Часовой выслушал нас внимательно, взял под козырёк и не то в шутку, не то всерьёз отчеканил:

— Опоздали, товарищи пионеры. Был Семён Михайлович, да уехал.

Экая досада. Куда теперь?

— В Смольный, конечно, — изрёк всё тот же голос. Помоему, Лёши Мартынова. Был у нас такой смекалистый мальчишка.

До Смольного далеко. Пока добежим, стемнеет. Надо ехать на трамвае. Пошарили по карманам, наскребли копейки на один билет. Решили послать Лёшу, а сами разошлись по гостиницам.

В этот день нам явно не везло. И в Смольном сказали: «Был, да уехал». И в одной из гостиниц, уже не помню в какой.

В назначенное время собрались под часами Московского вокзала, как договорились.

Вокзал — последнее место, где мы надеялись что-нибудь узнать. Пошли искать дежурного по станции. Может быть, ему известно, когда Будённый уезжает. Нам бы это узнать, тогда не пойдём никуда, будем на вокзале караулить день и ночь.

...Дежурный, с большой бородой, в фуражке с красным околышем, посмотрел на нас удивлённо:

— Что надо? Не положено детям по платформе ходить.

Перебивая друг друга, пытались объяснить ему, зачем пришли. Он ничего не понял, махнул рукой:

— Обождите, не до вас. Вот дам отправление, тогда поговорим. — Зашипел паровоз, тронулся с места, потянул поезд. Повернулся к нам дежурный, расправил бороду:

— Ну теперь говорите, только спокойно, не все сразу.

Выслушал, развёл руками:

— Где же вы раньше были? Во-он товарищ Будённый. В поезде, что сейчас отошёл.

Если бы мы знали, что дежурный даёт отправление «нашей мечте», мы бы повисли на его руке, упали бы на колени, вымолили одну секунду, чтобы хоть привет передать товарищу Будённому! Но... поезд набирал скорость, и мы бросились вслед за ним. Догоняли, бежали рядом, заглядывали в окна... Потом долго спорили. Каждый уверял, что именно он видел Будённого. Только вот беда — вагоны не совпадали. Один заметил его в последнем вагоне, другой в предпоследнем, третий — где-то в середине.

От вокзала до пионерского клуба рукой подать, а шли мы чуть не час — еле ноги волочили. За весь день крошки во рту

не было, да и тяжело прийти с пустыми руками.

Подшли к дому 87 по Лиговской улице. Остановились возле огромной витрины, пытаемся заглянуть, что там делается. А надо сказать, что клуб наш находится в торговом помещении, которое совсем недавно отвоевали. Там пивная была. Так вот, стоим у витрины и всё видим.

Ребята в сборе, в парадной форме. На стенах плакаты: «Добро пожаловать, товарищ Будённый!», «Да здравствует красная конница!», «Привет кавалеристам от лётчиков и моряков!»

Это нам привет... Так они были уверены, что мы... «на коне». А мы оказались «под конём»...

Долго стояли. Войти боимся. Кому охота услышать от вожатого: «Эх, вы...»

Неожиданно Шурик вышел сам на улицу. Наверное, заметил нас и всё понял.

Он не сказал: «Эх, вы». Сочувственно покачал головой, потрепал кое-кого по волосам:

— Ничего, ребята, не унывайте. В следующий раз разыщете. Вы теперь опытные, обстрелянные.

Через тридцать с лишним лет мне, корреспонденту «Ленинских искр», довелось-таки побывать с группой красных следопытов у Маршала Советского Союза Будённого. Вспомнился мне наш «бег с препятствиями», и я решила хоть теперь взять от товарища Будённого заметку в «Ленинские искры». Семён Михайлович с удовольствием написал привет юным ленинградцам, поблагодарил за следопытские поиски.

Вернулась домой, не удержалась, позвонила бывшему вожатому Шурику — ныне капитану I ранга Александру Ивановичу Матвееву — и на полном серьёзе:

— Товарищ вожатый! Ваш приказ выполнен. Заметку от Семёна Михайловича взяла.

Капитан I ранга нисколько не удивился. И в тон мне, как будто не прошло трёх десятилетий:

— Я и не сомневался, что возьмёшь. Приказ есть приказ! Мы засмеялись.

Коли я уже заговорила о «Ленинских искрах», расскажу, как мы встретили рождение нашей пионерской газеты. Опять это с Шуриком связано. Он принёс новость в отряд в августе 1924 года. Собрал всех по цепочке и объявил:

— Есть партийное решение — выпускать для детей газету. Нам предложили подумать о названии и выбрать своего корреспондента. — И с ходу предложил: — Редактора пошлём, правда?

Не знал он тогда, что на всю жизнь определил меня в «Ленинские искры».

Я изо всех сил старалась, чтобы про наш отряд было напечатано. В первый номер отнесла сразу несколько заметок. В расчёте, что какая-нибудь да пройдёт. Не ошиблась. Количеством, наверное, поразила редактора. Напечатали одну заметку.

Шурик ликовал. Все газеты купил в ларьке... Шутка ли, про наш отряд!

С появлением газеты многое изменилось в нашей жизни. Мы знали, где искать защиты, куда писать о том, что нас волнует. А волновало нас многое. Особенно положение в школе. Среди учителей ещё были «старорежимные», как мы их называли, из царской гимназии. Наказывали за малейшую провинность, враждебно встречали первых пионеров. И в нашей школе была такая учительница. Галстуки презрительно называла тряпками, пионеров спрашивала строже, придиралась, сни-

жала отметки. Рассказала я об этом на сборе отряда. Вожатый, не долго думая, сказал:

— Напиши в «Ленинские искры»...

Честно говоря, мне было страшновато выступать против этой сварливой и мстительной учительницы, но раз я деткор — должна писать. Раньше чем отнести в редакцию, прочитала ребятам. Обсуждали бурно, что-то добавили, что-то вычеркнули.

И вдруг Шурик говорит:

— Дело серьёзное. Давайте подпишемся все: «Совет отряда».

Видно, хотел увести меня из-под удара. Я была рада и не рада. С одной стороны — спокойнее, с другой... Я уже была готова к бою, ждала возможности доказать свою принципиальность.

Заметку поместили. Подпись стояла коллективная: «Совет отряда», но в школе всем было понятно, что написала её я. Так что бой пришлось принять. Я не оправдывалась и ни разу не сказала: «Это не я, а совет отряда». Ведь за моей спиной был Шурик, который никогда нас в обиду не давал, но приучал действовать самостоятельно и принципиально.

Я сказала, что он был романтиком. Вот доказательства.

...В то утро всё было как обычно. Лёгкий свист под окнами разбудил всю нашу семью: четверо детей были в отряде.

Вскочили, оделись, схватили походные мешки (что-то вроде рюкзаков). В каждом мешке — ложка, кружка, сырой картофель. Вышли и разошлись по адресам других ребят. Опять возле каждого из четырёх домов раздался свист. Адреса заранее распределялись. Каждый знал, за кем он должен бежать. Это и была так называемая пионерская цепочка.

В 25—30 минут все были в сборе. Выстроились. Рассчитались по порядку номеров. Четырнадцать!

Если бы не Шурик, вернулись бы из похода тринадцать...

Но об этом дальше. А пока всё шло как обычно. Шагали от школы по Лиговской, старому Невскому, к набережной Невы, а потом всё дальше и дальше до самой переправы, где-то у завода Ломоносова (Володарского моста еще не было).

По правому берегу тоже шли долго. Никогда не забуду утреннюю тишину, барабан, песни и звонкую команду вожатого:

— Раз, два, левой... Кто там шагает правой?

И дружное в ответ:

— Левой, левой, левой...

Впереди барабанщик (мой брат, ныне кандидат наук), сбоку вожатый с его неизменным допотопным фотоаппаратом.

Когда подошли к лесу, солнце уже стояло высоко. Скинули так называемые рюкзаки.

— Звеневые, ко мне! — кричит Шурик. Он любил собирать звеневых, отдавать им разного рода приказы и распоряжения. И ребята любили выполнять всё по-военному, чётко.

— Даю вам тридцать минут на постройку шалашей, а потом — на речку, купаться.

Строили шалашы быстро, умеючи. Получались они большие, просторные, от дождя всё звено может укрыться.

В тот день и случилось то, что стало отрядной тайной.

Пришли к речке. Шурик оставил меня за старшую с девочками, а сам с мальчишками ушёл выше по речке.

Я, конечно, заважничала от столь ответственного поручения, сидела на берегу и покрикивала на тех, кто далеко заплывал. Когда все вышли, решила, что долг свой исполнила и могу купаться сама. Не удержалась — форснула и... сразу попала в яму.

Уже потом узнала, какой все подняли крик и как мгновенно примчался Шурик. В чём был — в воду. Вытащил, откачал...

Нет, не зря доверяли ему своих детей наши папы и мамы. Но лучше им (папам и мамам) не знать о случившемся. И вот вожатый собирает всех у костра и требует клятвы над огнём (опять романтика!).

Каждый выходил вперёд, прямо к раскалённым поленьям, протягивал руку, повторял за Шуриком:

— Никогда никто не узнает о случившемся. Клянусь!

Меня ещё бил озноб, но я тоже вышла вперёд, не поднимая глаз, поклялась.

Вожатый знал, что делал. Если бы кто-нибудь из родителей услышал о происшествии, не пустил бы больше в поход. И тогда прощай, речка, лес, беседы у костра...

Обратно возвращались в сумерках, шли молча. Настроение

было испорчено. Даже барабана почти не было слышно.

И вдруг Шурик запел свою любимую:

*Смело мы в бой пойдём
За власть Советов...*

Все подхватили:

*И как один умрём
В борьбе за это.*

Эта песня и раньше была спутником наших походов, а в тот вечер прозвучала, как клич: выше головы! Всё будет хорошо. Никто не предаст отряд, никто не нарушит клятвы.

Умел наш вожатый создавать настроение.

...Отрядная тайна так и осталась нераскрытой. Даже самая младшая моя сестрёнка, октябрёнок, сдержала клятву. Только спустя много лет один из нас проговорился, и этот один был сам вожатый. Впрочем, был он уже не вожатый, а морской офицер.

Окончив Военно-морское училище, приехал он навестить нашу семью. Застал дома только мать, ударился в воспоминания. И, конечно, не прошёл мимо отрядной тайны, считая, что всё уже давно стало известным в семье. Ушёл и не знал, что расстроил человека до слёз.

Ещё одно событие связано с нашим боевым пионерским детством.

Ленинград постигла беда — наводнение, как бывает раз в сто лет. Вот и в 1924-м было такое...

Вечер... Холодно. Стреляют пушки с Петропавловской. Воют заводские гудки, а наш отряд шагает по Невскому — в райком партии.

— Мои пионеры готовы к любому заданию, — докладывает вожатый председателю чрезвычайной комиссии по борьбе с наводнением.

И дело нашлось. Пионеры стали связными, заменили вышедший из строя телефон.

...У Литейного — толпа, дальше не пускают. Вода идёт к Невскому проспекту, дошла до Фонтанки, слилась с её водами. Прохода нет. Но мы пролезаем внутренними дворами, идём по заданию чрезвычайной комиссии, доставляем необходимую инструкцию, приносим сообщения с мест.

Лучи прожекторов, прорезающие тьму, непрерывные гудки заводов и фабрик, — всё это казалось неестественным, похожим на театральное представление. Красиво и мрачно. Радостно, что мы в центре событий, и страшно от неизвестности, что же будет дальше? А если вода поднимется ещё, разъярённая, двинется вперёд?..

Мы были готовы ко всему.

До поздней ночи бегали с поручениями, разносили приказы... Наши родители, конечно, волновались: кто его знает, этого сумасшедшего вожатого Шурку (они чаще так его называли), что взбрёт ему в голову — возьмёт да потащит ребят в самое пекло. А потом будет уверять, что только в схватке с настоящей опасностью закаляется характер человека.

К радости родителей, мы сразу включились в дело и только успевали выполнять поруче-

ния в своём небольшом микрорайоне, в центре города. Хотелось, очень хотелось получить такое задание, чтобы оказаться поближе к разъярённой Неве, но... дальше Фонтанки побывать не пришлось.

На следующий день с завистью слушали рассказы тех, кто случайно оказался на Васильевском или Петроградской стороне. Впрочем, завидовать было нечему. Кого загнали в подворотню, а кто и сам спасался где-нибудь на лестнице.

Узнали мы и о тех, кто, не жалея себя, спасал людей, государственное имущество, продовольствие.

Газеты рассказали, сколько бед натворило наводнение. На второй день с утра за нами прибежал связной — отряд собирается опять.

— Надо! — говорил Шурик взволнованно и немного торжественно. Да и мы сами понимали: надо!

Всех пионеров и комсомольцев собирают у райкома комсомола.

...Мы идём без барабана и знамени. Идём не по дороге, как обычно. Дороги, собственно, нет. Есть груды деревянных шашек, которыми в то время мостили проезжие части улиц. Вода вывернула их, смыла, разбросала беспорядочно в разные стороны.

— Видите, — говорит Шурик, — видите, что делается. Эти шашки надо собрать, сложить в сторонке — очистить путь для транспорта. Без нашей помощи не обойтись.

И мы верили: без нас пропадут.

Наш отряд работал на набережной Фонтанки.

Вожатый и тут сообразил, как лучше всё организовать. Выстроил всех цепью, из рук в руки поползли шашки. Быстро, без остановок...

Если вчера мы действовали в пылу — азартно, восторженно,

большевика. Мы её много раз читали от корки до корки. Шурик рассказывал нам о Ленине, об этой газете, о том, как готовилась революция.

большевика. Мы её много раз читали от корки до корки. Шурик рассказывал нам о Ленине, об этой газете, о том, как готовилась революция.

Расставаясь с дорогой реликвией, он опять пошёл прежде всего к ребятам. Как же! Надо обязательно им показать и рассказать ещё раз о пионерах своего отряда, которые тоже в душе были следопытами и уже тогда находили немало ценно-

большевика. Мы её много раз читали от корки до корки. Шурик рассказывал нам о Ленине, об этой газете, о том, как готовилась революция.

Расставаясь с дорогой реликвией, он опять пошёл прежде всего к ребятам. Как же! Надо обязательно им показать и рассказать ещё раз о пионерах своего отряда, которые тоже в душе были следопытами и уже тогда находили немало ценного...

В 301-й школе много отличных следопытов. Они сразу оценили подарок и, хотя очень хотели оставить газету у себя, поняли, что этот дар должен принадлежать большому музею.

большевика. Мы её много раз читали от корки до корки. Шурик рассказывал нам о Ленине, об этой газете, о том, как готовилась революция.

Расставаясь с дорогой реликвией, он опять пошёл прежде всего к ребятам. Как же! Надо обязательно им показать и рассказать ещё раз о пионерах своего отряда, которые тоже в душе были следопытами и уже тогда находили немало ценного...

В 301-й школе много отличных следопытов. Они сразу оценили подарок и, хотя очень хотели оставить газету у себя, поняли, что этот дар должен принадлежать большому музею.

Я знала, что у Александра Ивановича много разных фотографий из жизни отряда, но о том, что он до сих пор хранит реликвию, не ведала и была премного удивлена. Вообще-то Матвеев любил удивлять. Нет-нет да и преподнесёт сюрприз.

большевика. Мы её много раз читали от корки до корки. Шурик рассказывал нам о Ленине, об этой газете, о том, как готовилась революция.

Расставаясь с дорогой реликвией, он опять пошёл прежде всего к ребятам. Как же! Надо обязательно им показать и рассказать ещё раз о пионерах своего отряда, которые тоже в душе были следопытами и уже тогда находили немало ценного...

В 301-й школе много отличных следопытов. Они сразу оценили подарок и, хотя очень хотели оставить газету у себя, поняли, что этот дар должен принадлежать большому музею.

Я знала, что у Александра Ивановича много разных фотографий из жизни отряда, но о том, что он до сих пор хранит реликвию, не ведала и была премного удивлена. Вообще-то Матвеев любил удивлять. Нет-нет да и преподнесёт сюрприз.

Когда я кончала этот очерк и попросила его дать фотографии из жизни отряда, он принёс уникальный снимок: наши ребята выступают по радио. Снимок сделан в 1925 году, когда впервые в эфире прозвучали детские передачи.

В пионерском зале Музея истории Ленинграда висит большая фотография, тоже дар Матвеева: «35-й отряд в походе». Глядишь на неё и чувствуешь — идут пионеры 20-х годов: девчонки в длинных юбках, мальчишки, одетые кто во что. На ком отцовские галифе, на ком трусы, тоже не нынешние, несурьезные какие-то. Видок у всех, скажем прямо, бедноватый. Но шагают лихо, и выражение на лицах такое, что ни дать ни взять идут свершать мировую революцию. И этой фотографией Матвеев очень удивил всех нас, его бывших пионеров.

НАШ ВОЖАТЫЙ, фантазёр и романтик, мечтал о море, о самых невероятных путешествиях. И что же, так и случилось. Окончил Военно-морское училище имени Фрунзе, стал командиром подводной лодки. Избороздил все моря и океаны. Храбро воевал всю Отечественную войну. Как-то попробовала сосчитать его награды... Орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Нахимова, орден Отечественной войны I и II степени, орден Красной Звезды, семь медалей. Ничего себе: четырнадцать правительственных наград. Да каких!

Есть ещё удивительные страницы его биографии, которые лучше всего отражают неуёмный характер нашего Шурика.

...В 1936 году экипаж подводной лодки «Щ-114» Тихоокеанского флота, которой командовал Александр Иванович Матвеев, установил мировой рекорд длительности плавания под водой. Вот как писала об этом газета «Вечерний Ленинград» 26 апреля 1967 года:

«Существовавшая в то время норма автономного плавания подводной лодки в открытых морях была перекрыта в четыре раза. Сколько мужества и выдержки нужно было проявить, какими крепкими должны быть нервы, чтобы пойти на риск и выяснить в эксперименте возможности советских подводных лодок! А это было важно в тех условиях: надвигалась угроза войны против первого в мире социалистического государства... Советский «капитан Немо» — герой знаменитого похода подводной лодки «Щ-114» Александр Иванович Матвеев здравствует и поныне — он наш земляк, коренной ленинградец, доцент Механического института, где стал работать после того, как, прослужив 39 лет в Военно-Морском Флоте, вышел в отставку в звании капитана I ранга.

Не случайно автор статьи называл его советским капитаном Немо. В 1936 году начальник политуправления Тихоокеанского флота армейский комиссар II ранга Г. С. Окунев писал об этом походе так:

«Фантастика жюль-верновского «Наутилуса» и его капитана Немо бледнеет перед действительной жизнью наших подводников».

А совсем недавно авроровцы преподнесли А. И. Матвееву фотографию крейсера с надписью: «Ветерану Военно-Морского Флота СССР Александру Ивановичу

Матвееву, предложившему установить краснознамённый крейсер «Аврора» на вечную стоянку».

Обосновывая это своё предложение, А. И. Матвеев писал народному комиссару Военно-Морского Флота в 1940 году:

«Конечно, краснознамённый крейсер «Аврора» ещё можно использовать как блокшив — неподвижную базу для военно-морской подготовки, но недолго.

С краснознамённым крейсером «Аврора» связана подготовка всех наших командных кадров.

Крейсер будет ценен для по-

каза истории нашего флота, революционного движения в нём и как возвестивший 25 октября 1917 года начало новой эры — эры Великой Октябрьской социалистической революции».

Это предложение Александра Ивановича приняли и осуществили после окончания Великой Отечественной войны.

Вот какой наш Шурик, которому мы многим обязаны. Давно мне хотелось написать о нём, и я рада, что пришёл такой момент.

Хороший он человек, бывший вожатый Александр Иванович Матвеев.

Рис. Г. Моисеевой

ТЕМ ЛУЧШЕ

Когда спартанскому полководцу сообщили, что приближающийся враг располагает таким несметным количеством солдат, что их стрелы затмят солнце, тот ответил:

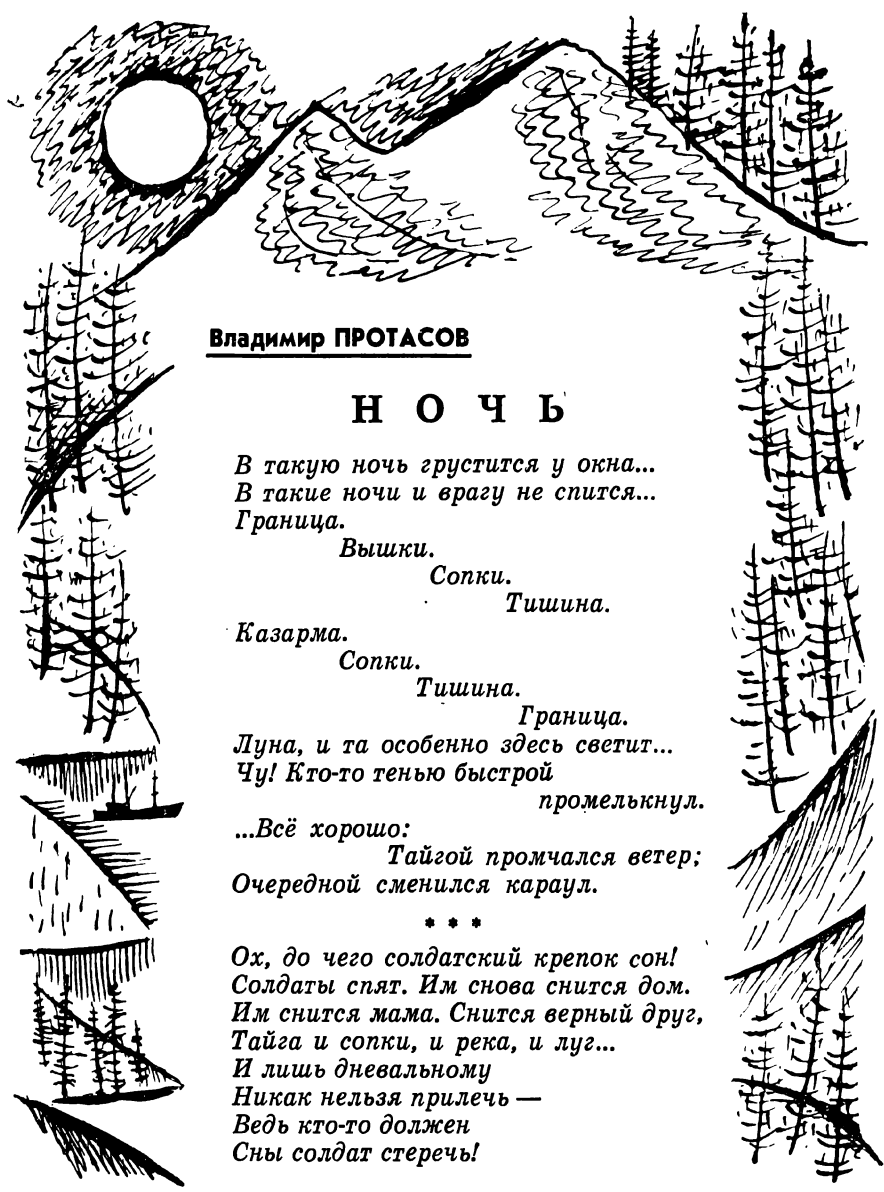
— Отлично! Нам будет легче сражаться в тени.

* * *

Когда некий воин пожаловался полководцу, что у него короткий меч, тот ему посоветовал:

— А ты приблизишься к врагу на один шаг ближе.

Владимир ПРОТАСОВ

Н О Ч Ь

*В такую ночь грустится у окна...
В такие ночи и врагу не спится...
Граница.*

Вышки.

Сопки.

Тишина.

Казарма.

Сопки.

Тишина.

Граница.

Луна, и та особенно здесь светит...

Чу! Кто-то тенью быстрой

промелькнул.

...Всё хорошо:

Тайгой промчался ветер;

Очередной сменился караул.

*Ох, до чего солдатский крепок сон!
Солдаты спят. Им снова снится дом.
Им снится мама. Снится верный друг,
Тайга и сопки, и река, и луг...
И лишь дневальному
Никак нельзя прилечь —
Ведь кто-то должен
Сны солдат стеречь!*

Рис. Г. Моисеевой

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Этот случай я вспомнил недавно. Был в зоопарке, увидел — и всё вспомнилось. Позорный случай из моей военной биографии.

Остановился я возле вольера для грызунов, посмотрел сквозь мелкую сетку на кротких, безобидных зайцев и чувствую: побежали у меня по спине мурашки... Как тогда, весной 1944 года...

Часть, в которой я в ту пору служил, воевала под Витебском.

Всю ночь я, молодой офицер штаба полка, провёл на переднем крае, на рассвете возвращался в свой штаб. Утро выдалось яркое, солнечное, и настроение у меня, несмотря на бессонную ночь, было отличным.

Причины для такого настроения имелись весомые: во-первых, за сутки в том подразделении, откуда я шёл, никто не был убит, никого даже не ранило; во-вторых, мне шёл всего лишь двадцатый год и на здоровье жаловаться не приходилось. Здоровьем я обладал русским, весёлым. А в-третьих, всё кругом так радостно, чудесно сверкало под полным мартовским солнцем, что хотелось петь.

Справа от дороги расстиралось поле, усталое талым, но за ночь подмёрзшим искристым снегом, слева сверкал высокий, метров в пять, крутой длинный угор, сплошь застеклённый оплывшим ледком, сверкали хрустальные сосульки на кустиках, сверкала даже сама дорога, узкая, прижавшаяся к угору, залитая прозрачными хрупкими лужицами.

Не выдержав, я запел:

*По дороге хрусткой,
Под открытым солнцем,
С автоматом ППШ
Я иду домой.
Ни души, ни звука,
Лишь порою только
Посвистит нестрашно
Ветер надо мной...*

Откуда взялась эта песня — я не думал, да и сейчас не вспомню. Возможно, она просто сама собой родилась в моей голове. Уж очень у меня в тот момент было светло на душе. Каждая жилка бодрилась, всё на свете казалось простым и лёгким, война и та представилась внезапно чем-то далёким и для меня не опас-

ным. Даже подумалось: «Я жив и не могут меня сейчас, именно сейчас, убить! Разве можно убить меня в такое весёлое утро? Ура! Да здравствует жизнь!»

*По дороге хрусткой,
Под открытым солнцем,
С автоматом ППШ
Я иду домой...*

Тут-то и ударил в белое, чистое поле какой-то шальной снаряд. Провыл в небе злобно, шмякнулся в снег, ухнул, вскинул, разбросал в стороны комья чёрной земли и пропал. Будто его и не было никогда. Даже осколки не провизжали.

Я поднялся с дороги, на которую успел броситься инстинктивно, стал подбирать слетевший с плеча автомат и в этот же миг увидел несущегося прямо на меня зайца. Такой большой светло-серый ком с прижатыми к спине ушам. Видимо, бедный косой совсем ошалел от взрыва, если мчался прямо на человека. На секунду-другую я застыл, замер в полусогнутом положении, затем свистнул. Но это не остановило зайца. Лишь чуть-чуть изменив направление, он пронёсся мимо меня через дорогу и судорожными прыжками стал взбираться на угор. Лёд заскрипел, зазвенел, посыпался под ударами его сильных лап.

Это был здоровенный русак, сантиметров сорок в длину, если не больше. Всё задрожало во мне от мгновенного, как удар тока, охотничьего азарта. Заяц сползал вниз. Прыгал и сползал вниз. Очень уж был высок для него угор, очень крут, а наплавивший весенний лёд ещё крепок.

Закричав что-то невразумительное, я, забыв про автомат, забыв вообще обо всём на свете, кинулся ловить зайца руками.

Меня можно понять: такое случается раз в жизни, да и то не у многих. Может быть, даже ни у кого больше. После шести-семи отчаянных попыток, после совершенно диких, звериных прыжков, когда мы оба рвались по ледяному угору прямо в синее, чистое небо и оба орали, мне

удалось схватить зайца за заднюю ногу. Тяжело отдуваясь и приговаривая что-то, я сполз на дорогу, навалился на зайца и несколько мгновений отдыхал, ощущая лишь тёплое, пульсирующее под моим боком тело животного. Да ещё слышал стук своего, бьющего в уши сердца. Затем я встал, ухватил свою неожиданную добычу за длинные уши и огляделся.

Кругом ничего не изменилось. Так же сильно и щедро светило солнце, так же сверкало и искрилось раннее утро, всё было то же, но настроение у меня вдруг потускнело. Как же так?! Со мной произошло чудо! Я, может быть, единственный на всех фронтах, кто поймал живого, здорового зайца руками, вот этими самыми своими руками, и никто этого не увидел. Да мне ж не поверят! Если я стану рассказывать — назовут брехуном, а мой рассказ ещё одной глупой охотничьей байкой. Как же так?

В ту пору я был очень самолюбив, и решение пришло быстро. «Нет уж, — решил я, — не упущу случая. Буду находиться тут до тех пор, пока кто-нибудь не появится на дороге!» Дорога фронтная, кто-нибудь обязательно появится!

Я стал ждать, и свидетели моей великой удачи действительно скоро появились. Как по заказу!

Они вышли из-за угора: три молодых солдата в шинелях и старший группы, немолодой старшина, в таком же полушубке, как у меня. Тут

уж я решил покрасоваться!.. Приняв картинную позу, выставив вперёд одну ногу и откинув полу полушубка, я подбоченился левой рукой, а правой, держа зайца за уши, повернул к себе мордой. Заяц дёрнулся.

— Ой-ёй! — закричали молодые солдаты почти хором, бросаясь ко мне со всех ног. — Зайца поймал! Живого зайца поймал!

Картина была, вероятно, красивой. Не глядя по сторонам, я смотрел зайцу в раскосые, остановившиеся глаза и воображал себя необыкновенным героем. Помню, перед моим внутренним взором мелькнула даже такая мечта: дивизионная наша газета, а в ней заметка с большим заголовком: «Фрицы, бойтесь! Русский лейтенант даже зайцев на бегу ловит!» Или ещё что-нибудь подобное. В разделе «Фронтowej юмор».

Подбежавшие солдаты и старшина окружили меня и смолкли, явно поражённые невиданным зрелищем. Я упивался своей значительностью. Заяц опять дёрнулся.

— Послушайте, товарищ лейтенант! — неожиданно грустно сказал старшина. — Отпустили бы вы его русачью душу на волюшку. Он же, глядите, как сумел от фрицев сбегаться.

Заяц подмигнул мне, будто подсказывал: соглашайся. Меня его подмигивание почему-то задело.

— Что, косой? Пустить тебя на жаркое или оставить в живых? — спросил я тоном эдакого хозяина жизни и смерти. Я чувствовал, что

старшина прав, но мне по молодости лет стало обидным: он, старшина, делает замечание мне, лейтенанту.

Старшина отвернулся и засопел. Краешком глаза я увидел, что морщинистое, обветренное лицо его стало совсем красным.

— Отпустите, — тихо попросил один из молодых солдат, и его робкая просьба ещё больше подстегнула мое недисциплинированное самолюбие. Усмехнувшись, я придвинул заячью натянутую ушами морду почти к своему лицу, дунул зайцу в сухой, шевелящийся ноздрями нос. Заяц вздрогнул, затрепетал, а затем полоснул меня задними ногами по животу. Именно полоснул. Иного слова не нужно, когти на задних ногах у зайцев, как бритвы. Заскорузлая, выдавшая виды гимнастёрка на мне даже не затрещала, а лишь чуть скрипнула. Что сделалось с натальной рубашкой — я не чувствовал, но животу в тот же миг стало холодно. Подчиняясь скорее внезапному страху, чем каким-либо мыслям, я мотнул зайцем, как цепом, шмякнул его о дорогу и остановился, прислушиваясь. Бедный зверёк, он только пискнул и стих, а по животу моему, по ногам уже текло что-то горячее, страшное, наполняющее всё тело яростью и отчаянием.

— Товарищ командир, — негромко спросил старшина, трогая меня за рукав, — он вам кишки не пропорол?

Я почувствовал, что в ответ на вопрос старшины внутренности, набухая, полезли из моего живота, а тело сразу покрылось холодным потом.

— В санбат, — сказал я, зажимая живот руками. — Есть тут близко санбат? Как же это?

— Есть! — откликнулся один из солдат. — За поворотом. Недалеко. Метров двести.

— Скорей, — попросил я, — скорей. Может, успеем...

Кровь уже вовсю лилась по ногам, холодила колени.

Двое солдат подхватили меня под руки, спросили, могу ли я идти сам, и повели в медсанбат. Старшина, тяжело вздохнув, поднял мой автомат,

поднял зайца и, грузно ступая, зашагал следом за нами.

До медсанбата мы шли долго, минут тридцать, если мне это не показалось. Очень уж болел живот, и кишки вроде бы властно рвались наружу...

А мир вокруг нас сверкал. Сверкал так, что в глазах начало резать. И в голове снова вдруг завертелась песня:

*Ни души, ни звука,
Лишь порою только
Посвистит нестрашно
Ветер надо мной.*

Но это уже была злая песня. Будто бы песня над моей могилой. Глаза мои стали застилать слезинки. То ли они возникли от нестерпимого блеска кругом, то ли от боли в животе, то ли от обиды моей на собственную мою глупость.

— Не робей, лейтенант, — неожиданно бодро сказал старшина, — держись! Не таких, как ты, снова люди мы делали. Вот и санбат.

Я присмотрелся. Палатки санбата стояли уже совсем близко. На опушке маленькой берёзовой рощицы. Белье, они тоже сверкали на солнце.

В медсанбате встретил нас сам хирург. Он вышел из самой большой палатки, засунул руки в карманы халата, встал, раздвинув широко ноги, да так и стоял, пока мы шли оставшиеся несколько метров.

Потом спросил почему-то ворчливо и недовольно:

— Сам дошел? Молодец! Пуля? Осколок?

— Заяц, — прохрипел я, — заяц, доктор!

— Вижу, что заяц! — вдруг крикнул хирург, бросая на старшину короткий, свирепый взгляд. — Куда ранение, спрашиваю?

— В живот, — с трудом ответил я, чувствуя, что ещё немного — и я упаду. — Доктор, зашейте!..

— Ну, молодец, — удивлённо сказал хирург, — сам дошёл. Ну силён. Чем ранило, пулей, осколком?

Спрашивая, он откидывал уже брезентовые двери палатки.

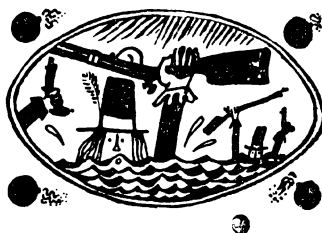
ДЕРЖАТЬ ПОРОХ СУХИМ

Выражение это приписывается вождем английской буржуазной революции XVII века Оливеру Кромвелю [1599—1658].

Обращаясь к своим войскам, которым нужно было перейти реку, чтобы атаковать королевскую армию, Кромвель, как гласит предание, сказал:

— Надейтесь на бога, но порох держите сухим.

То есть всегда будьте в боевой готовности.

СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ

Эти слова принадлежат русскому полководцу М. И. Кутузову. После отступления из Москвы, вступив 20 сентября 1812 года в село Тарутино и обзрев местоположение, Кутузов остановился на крутом берегу реки Нары и сказал окружившим его солдатам и офицерам:

— Теперь ни шагу назад. Стоять насмерть!

Собрала П. АННЕНКОВА
Рисунки Ю. БОЧКАРЕВА и
А. КУРУШИНА

— Давай сюда, — приказал хирург. — Сейчас заштопаем молодца. Экий герой! Чудо-богатырь, Илья Муромец!

С трудом я зашёл в палатку, с трудом улёгся на белый и узкий переносной стол, спиной вниз, боясь оторвать от живота руки.

Две медсестры возникли откуда-то, склонили надо мной испуганные лица, накиннули мне на голову белое покрывало, а руки стиснули чем-то крепким. Гимнастёрка моя затрещала под сильными руками хирурга. Всё смолкло, а затем возник хохот. Он возник слабый, сперва неуверенный, потом стал расти и вырос до таких размеров, что стол подо мной стал трястись и раскачиваться. Я не видел, как они хохотали, голову мою прикрывала, к счастью, белая чистая тряпка, и от неё пахло йодом. Зато я слышал их всхлипывания, их выкрики: «Заяц! Заяц его! Аха-ха-ха! С зайцем на передовой!» И стол подо мной трясся. Вероятно, кто-то из них держался за стол руками.

На глазах моих была тряпка, от неё пахло йодом, и хорошо, что она была, эта тряпка. Из моих глаз потекли слёзы обиды.

«Заяц! — думал я. — Кошмарный, проклятый русак! Заяц! Идёт война! Людей убивают фашисты! Люди геройски гибнут за Родину! А меня убил заяц! Похоронная домой пойдёт: «Убит зайцем!» Не пал смертью храбрых, а убит зайцем!»

Я тихо, беззвучно плакал. Мне не хотелось умирать от зайца. Мне хотелось воевать с фашистами и умереть от их ненавистного оружия. Мне было очень обидно и плохо.

— Ладно. Придётся поставить шесть скрепок, — сказал наконец хирург, кончив смеяться. — Потом дезинфицировать и забинтовать. Ах, прохвост!

Не знаю, к кому относилось последнее восклицание доктора — ко мне или к зайцу, но это уж было неважно. Я понял, что ранен не тяжело, что я буду жить, воевать и, значит, если погибну, то с честью, в бою за Родину. Слёзы ещё текли, но это уже были слёзы радости, а не отчаяния и обиды.

Минут через десять я вышел из операционной палатки перевязанный, намазанный йодом, заплаканный и улыбающийся. Старшина и солдаты ждали меня. Они тоже улыбались, пожалуй, даже более смущённо, чем я. Солнце светило по-прежнему ярко, но уже без нестерпимого блеска, который мне резал глаза по пути в медсанбат. Лучи его были добрыми, весенними, обнадеживающими.

— Доктору зайца отдай, недотёпа, — шепнул мне старшина, когда я собрался уже уходить под весёлый смех сестёр за брезентовыми стенками операционной, — спасибо скажи.

— Спасибо, доктор, — радостно поблагодарил я, принимая зайца из рук старшины и отдавая хирургу. — Извините за беспокойство.

— Ладно, иди, воюй дальше, — усмехнувшись, сказал доктор, принимая зайца и с интересом разглядывая его острые, длинные когти на задних ногах. — Иди. Мне бы твои заботы, лейтенант...

Положив зайца на землю, хирург протянул мне руку.

Неловко шагнув, я толкнул зайца ногой, и тут произошло неожиданное: заяц вздрогнул, как-то беспомощно зашевелил лапами, а затем вдруг вскочил, закричал и большими неверными прыжками бросился наутёк.

Мы все оторопело переглянулись.

— Контузия, — серьёзно сказал доктор, наблюдая за катящимся че-

рез поле большим светло-серым комком. — Бывает и не такое.

Прыжки зайца становились всё увереннее, всё чётче, а затем он скрылся в сверкающем мареве весеннего утра.

— Неживой же уже был, — одобрительно сказал старшина. — Вот это да! Расскажи — не поверят.

— Бывает, бывает, — повторил хирург, поворачиваясь и уходя в палатку. — Идите воюйте.

А когда я уже отошёл шагов на тридцать, он снова вышел и прокричал мне вдогонку:

— Не будь больше растяпой, лейтенант!

Я не обиделся. Я просто решил никогда больше не быть растяпой, не зазнаваться и помнить, что всё живое на земле имеет право на жизнь. Конечно, кроме фашистов.

Вот о чём я вспомнил недавно в зоопарке, через двадцать с лишним лет после встречи с кошмарным зайцем.

Дома у меня лежат два ордена и три медали, полученные в боях с фашистами уже после этого случая. Видно, я больше растяпой не был. И ещё я очень люблю ходить в зоопарк, смотреть на животных. Мне нравится смотреть, как резвятся и проказничают обезьяны, как чинно раскланивается с людьми слон, как ест бегемот, раскрывая пасть, похожую на огромный сундук, как мишки лакомятся конфетами и пряниками — подарками детишек...

Вот только зайцы возбуждают во мне неприятное чувство, вроде озноба. Но тут уж я сам виноват. Я, а не зайцы.

ВЫ ПЕРВЫЙ

После поражения французской армии в России Наполеон, переправляясь через Неман, спросил паромщика: много ли дезертиров он перевёз на тот берег?

— Нет, вы первый, — отозвался старик, не подозревая, что перед ним был сам Наполеон.

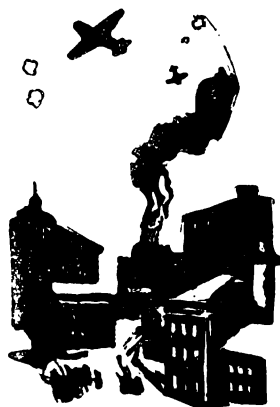

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БАЛЛАДА

Я о том —
В любые бури! —
Память в сердце
Берегу:
Сын Долорес Ибаррури
Спит на волжском
Берегу.
Путь врагам
Свинцовым градом
Преградив в ночном бою,
Он погиб под

За Испанию
Свою.

А в испанском небе,
«ЯКом»
Разрезая синеву,
Воевал
Щербатых Яков
За родимую
Москву.

Я в одном квартале
Рос с ним,
Голубей я с ним
Гонял...
Перед смертью
Утром росным
Пел он
«Интернационал».
Он у речки
Гвадиана
От Москвы лежит
Вдали.
Две могилы,
Два кургана,
Как два полюса
Земли.

Ш Е П Т А Л О

Если уж рассказывать о рядовом Кирееве, то начать следует, пожалуй, с майора Дульникова.

Роста майор был высокого. В плечах — от погона до погона все четыре перегона. (Знаете какие перегоны? Железнодорожные!) А голос у него был — что тебе самая большая труба в оркестре. Правда, «включал» он её редко. Даже вроде стеснялся своего баса. С офицерами, с солдатами разговаривал тихо, спокойно. И хотя был строг, дотошлив, до каждого пустяка ему дело, но зря никого не ругал, вспыльчивости за ним не наблюдалось, выдержку имел завидную. Да иначе и нельзя: майор Дульников был заместителем командира полка по политической части. Положено ему было каждого солдата знать, каждому быть старшим товарищем. На деле быть товарищем, а не просто по долгу службы.

И своих солдат майор знал. Всех до единого. Как учитель в классе каждого своего ученика знает. И тех, кто сейчас за партами сидят, и тех, кто давно уже школу окончили, разъехались кто куда. В полку за три года войны тоже немало солдат переменилось. И хо-

рошие были солдаты, и всякие... В основном, хорошие. Когда полк в бою, с утра до ночи в опасности, тогда, считай, все солдаты хорошие. Кто бы там с каким характером ни был, а на переднем крае — все за одного, один за всех, каждый за свою землю сражается, каждый старается воевать как можно лучше. Ну а если полк в тылу, на переформировании, на учении, тут попадают и «всякие». Один никак технику не освоит, другой в строю ходить не любит, третий по дому соскучился, всё его в самоволку куда-то тянет... Этих майор Дульников знал особенно хорошо.

Когда же ему доложили, что так, мол, и так, Киреев это... — Дульников сразу представил себе тощего Киреева в старом замусоленном ватнике. Ватник — как шар. Из него тонюсенькая шея торчит и не голову, а огромную шапку держит. Какую-то невоенную шапку с белыми заячьими ушами. Шапка на глаза лезет, на макушке крутится, звёздочка частенько не на лбу, а где-то на затылке. Так и хочется скомандовать: «Сам на месте, а шапка кругом!..»

— Киреев?.. Как же так — Киреев?!

Майор прошёлся из угла в угол тесного квадрата землянки, потёр рукой виски, словно пытаюсь понять: как же такое могло случиться? Да так, видимо, и не нашёл ответа.

Уж кого-кого, а Киреева он знал преотлично. Они с ним вроде как два противоположных полюса были — плюс и минус. У майора — рост, сила. Старшина для него по всем интендантским складам шинель отыскивал — все малы. У Киреева — всё наоборот. Старшина так и не нашёл ему подходящей шинели — все велики. Потому-то и ходил Киреев в ватнике. С голосами — та же картина. У майора — бас, басыще! А у Киреева...

Вот теперь как раз самая пора об этом Кирееве рассказать.

Если говорить честно, то фамилию-то его не каждый и знал. Майор знал, старшина знал, а остальные — от солдат в роте до командира батальона — все звали его просто Шептало. Есть такой механизм в винтовке. Почему так механизм назвали — сказать трудно. Почему Киреева тем же именем величали — яснее ясного. Прилипло к нему это Шептало намертво. Так и говорили:

— Шептало, ко мне! Двери наладить надо: отсырели, не закрываются.

До войны Киреев плотником был и руки имел золотые. Сам хвастался:

— Топором мы всё могём. Часы не могём — топор не влазит.

Но, впрочем, если бы ему дали в починку часы — наладил бы! Всё умел Киреев. Мастер был — так мастер!

Только вот с голосом ему не повезло. Где-то ещё в детстве так он крепко простудился, что совсем голос потерял. Захочет сказать что-нибудь — хрипит, хрипит, а слышимости никакой. Может быть, потому и казался он каким-то нелюдимым, замкнутым. Замкнётся тут, когда вместо голоса у тебя один шёпот...

Конечно, для солдата голос не самое главное. Команды громкие подавать — это дело командиров. Солдату их только выполнять нужно. Голос тут ни к чему, тут уши важнее. Но, что ни говори, как-то всё-таки неудобно без голоса, неловко.

В полк Киреев пришёл во время формирования, из госпиталя. И когда кто-то сказал про него: «Шептало» — он даже и не обиделся. Верно, и раньше в других полках величали его тем же именем. Да и характер у него хотя и замкнутый, а покладистый был, сговорчивый, тихий. Все винтовку изучают — и он изучает. И хотя с этой винтовкой он уже три года провоялся, знает её до последнего винтика, раз приказ — изучает. На тактике скомандуют: «Ползи!» — ползёт; к земле прижимается, вот-вот сейчас в кротовую нору влезет. И кому какое дело, что допластунски-то он уже, наверное, сто километров прополз!.. Раз надо — значит, надо.

С майором Дульниковым он познакомился вскоре.

Назначили его дневальным. Стоит Киреев у тумбочки рядом с ружейной пирамидой, а в роте идёт чистка оружия: в самом конце казармы на специальных столах бойцы винтовки чистят. Запихивают шомполами паклю в канал ствола, шуточками перебрасываются, разные истории вспоминают.

Тут как раз и вошёл майор Дульников.

Дневальный, конечно, первым его заметил.

— Рота-а, смирна! — кричит. И с докладом: — Товарищ майор, первая рота, согласно распорядку дня, производит...

Майор не дослушал и:

— Отставить!

По уставу это значит: начинать всё сначала. В первый раз не получилось — повторить надо. Ну, Киреев опять:

— Рота-а, смирна!..

Никакого «смирна» не получается. Чистят солдаты винтовки, звякают разными железками, разговаривают — и не слышат.

Киреев вовсю старается:

— Товарищ майор, первая рота, согласно распорядку дня...

— Отставить! — говорит майор. И сам уже кричит: — Рота, смирно!

Его-то бас, конечно, все услышали. Даже, наверное, в соседней казарме головы повернули.

Потом у майора с командиром роты разговор был в канцелярии: что с этим Шепталой делать? С одной стороны, раз он солдат — положено ему нести караульную службу. А с другой — куда его, такого безголового, в дневальные? Никакой службы не получается, смех один.

Больше Киреева к тумбочке у пирамиды не ставили. И, уж если рота шла в караул, пост ему выбирали самый дальний — у бензосклада.

Только и там его голос подвёл. Чуть он майора Дульникова не пристрелил.

Знаете, как внезапные проверки караулов проводятся? Вот то-то и главное, что внезапно! К тому же, как правило, ночью. Да ещё и погода выбирается самая паршивая: дождь, туман, снегопад какой-нибудь...

Тогда как раз выюга была.

То, что майор Дульников командир строгий, дотошный, — это вы уже знаете. А проверять несение караульной службы было у него просто любимым делом. Взял он тогда начальника караулов, и пошли они по постам.

Стоит Киреев и видит вдруг сквозь снег: идут двое. Кто такие? До смены ещё рано. Да и не двое тогда должны прийти, а четверо: разводящий и трое часовых. А тут двое... Конечно, забеспокоиться! Полк хоть не на фронте, а всё равно в прифронтовой полосе стоит, мало ли каких диверсантов подослать могут? Взорвать бензосклады.

Щёлкнул Киреев затвором и кричит:

— Стой! Кто идёт?

В ответ ни звука. Только выюга гудит.

— Стой! — опять кричит. — Кто идёт?

Он им—«стой!», а они идут.

— Стой! Стрелять буду!

А они идут. Сквозь снег

видно: две тени. Всё ближе, ближе...

Крикнул Киреев ещё раз: «Стрелять буду!» — да и выпалил. В воздух, разумеется. Предупреждающий выстрел дал.

Тени остановились. И даже вроде попятиться.

«Удрать хотят, — подумал Киреев. — Ну уж это не выйдет».

Трах-бабах!

Тени — хлоп в снег и лежат.

— Эй! — слышит. — Отставить! Прекратить стрельбу!

Киреев на заячьей своей ушанке тесёмочки развязал, в оба уха слушает. Прекратить? Сдаются, что ли? А как же их в плен брать? С поста-то уходить нельзя! Прикинул всё и снова кричит:

— Не вставать! Лежать! Стрелять буду!

Вовсю кричит.

Только это ему кажется, что воевую. На самом-то деле в двух шагах ничего не слышно. Тени так и решили, навсрное, что часовой всё понял, можно подниматься. Зашевелились. На корточки встали. А тут снова — ба-бах! поверх их голов.

Ну что оставалось майору делать? Так и лежал в снегу рядом с начальником караулов. До тех пор, пока на выстрелы разводящий с тремя бойцами не прибежал.

Киреева потом в штаб вызывали. Пришлось ему письменнo на листочке всё объяснять. Два часа писал.

А вскоре и формирование закончилось, полк поехал на передовую. И прямо в наступление. Бои тогда уже на территории врага шли, в Восточной Пруссии. Тяжёлые были бои. Фашисты такую оборону построили, что не вдруг прорвёшь. Умение воевать тут большое требовалось.

Командиры наши к этому времени, верно, здорово воевать научились. А вот солдаты в полку, как на грех, все новобранцы!.. 1925-го года рождения. Таких, как Шептало, на всю роту было раз, два и обчёлся.

Да и убыль пошла — никуда не денешься, война ведь. В первый же день боёв командира роты в госпиталь отравили. Командир киреевского взвода роту принял, вместо себя старшину оставил. Старшины — они ведь такие: всё умеют. И обмундированием обеспечивать, и командовать боем, если доведётся.

Киреева тоже хотели командиром отделения поставить — по опыту службы, да вспомнили, какой у этого Шепталы «командирский» голос, и другого назначили. А его — связисту помогать.

В наступлении связь — важнейший участок. Всё управление боем на ней лежит. Оборвись связь — худо придётся. Воевать-то, конечно, каждая рота всё равно будет старательно, да ведь на свой страх и риск куда продвигаться, куда поворачивать? Что прикрывать? Кого поддерживать? Без связи разброд получится, а не наступление. Поэтому связистов и берегли пуще глаза. Поэтому и Киреева в помощники к связисту назначили: прикрывать в бою, помогать катушки с проводами таскать.

Только больно уж отчаянный ему напарник попался: молодой, неосторожный. В наступлении связь должна сразу за ротой следовать, а он чуть не впереди всех со своими катушками! Хоть за провод его держи, чтобы первым в Кёнигсберг не умчался. Один раз так даже впереди танков оказались. Выскочил где-то по флангу роты и Киреева с собой утащил.

Залезли в воронку, оглянулись: мать честная! — свои же танки на них наступают. Бьют, правда, не в них — туда, дальше, где немецкие орудия отстреливаются. Зато снарядов над головами — что пчёл на пасеке: свои, чужие, свистят, шипят...

Киреев тоже шипит:

— Балда ты, куда упёр? Роту без связи оставил. Вдруг ротный генералу понадобится? Как ты ему трубку дашь?

Связист не слушает. Привык уже к Кирееву: всё равно ничего у него не разберёшь. В таком-то грохоте. Сам вовсю в трубку кричит:

— «Ласточка»! «Ласточка»! Я — «Лебедь»! Тут у кустов орудие противотанковое. Скажи там, чтобы левее дали.

— «Ласточка»! «Ласточка»! Оглох, что ли, пень трухлявый! Доложи там: немцы по ложбинке наперерез нашей третьей роте бегут. Огонька бы туда!

— «Ласточка»! «Ласточка»! Вижу два пулемёта. Один у валуна, другой правее чуть!

Совсем уже из ротного связиста в артиллерийского корректировщика переделался.

Как на беду, и танки остановились: больно уж сильный огневой заслон.

— «Ласточка»! «Ласточка»!

Ни ответа, ни привета.

— Линию перебило где-то! — чертыхнулся связист. — Держи трубку, я поползу.

Киреев трубку взял, к уху приложил:

— «Ласточка»! «Ласточка»!

Молчит трубка. Обидно. Столько вокруг звуков разных, и только она одна молчит.

— «Ласточка»! «Ласточка»!

Выглянул Киреев из окопа, ищет связиста глазами. Где он? Вон ползёт. Ужом извивается. За танками уже юлит. Одной рукой землю под себя гребёт: другой провод держит. Ага! Замер что-то. В карман

полез. За изоляционной лентой, наверное.

И тут же в трубке загудело:

— «Лебедь»! «Лебедь»! Я — «Ласточка». Слышите меня?

— Слышу! — хрипит Киреев. — «Ласточка»! Я — «Лебедь»!

А в трубке:

— «Лебедь»! Почему молчите? Где маневрирующий противник?

По голосу вроде сам командир полка.

— Здесь противник, — кричит Киреев. — Рядышком. Залёг сейчас. Пулемёт у большого валуна.

— «Лебедь»! «Лебедь»! Кто у аппарата? Можешь ты нормально говорить или нет?

— Никак нет, — хрипит Киреев. — Сейчас связист назад приползёт, он может.

Тут и танки зашевелились. Повернули к тем немцам, что наперерез норовили. Обогнули воронку — и вперёд.

Связист следом в воронку бухнулся. Ухватился за трубку, подул в неё.

— Есть связь? — Киреева спрашивает.

— Есть, — хрипит Киреев. — В одну сторону.

— Чего-чего?

— Сейчас в две будет.

После боя он сам к старшине обратился: не годен, мол, в связисты, прошу назад — во взвод.

А ещё через день и случилось это самое, от чего майор Дульников в некоторое замешательство попал.

Медленно, но полк всё-таки продвигался вперёд. Двигал-

ся, пока не встала на его пути какая-то плешивенькая высотка. С нашей стороны — вся голая, хоть шаром покати, с другой — лесок виднеется. Вроде причёски. Маленькая такая высотка, отлогая, но очей вредная. Фашисты на ней укрепились, пулемёты поставили — косят и косят. Во

взводе Киреева старшину ранило, девушка-санинструктор в тыл на плащ-палатке потащила.

Цепь взвода сначала по полю рассыпалась, потом в кучу сбилась, и куда-то её всё влево, влево заносить стало, от других взводов в сторону. На бегу-то да под огнём поди

сообразил тут: куда тебе бежать надо. Старшина за этим следил, а тут — нет его...

Плюхнулся Киреев на землю, отдышался немножко, голову поднял — вроде тихо. Бой где-то правее идёт, свои все рядом лежат, носами к противнику. Тоже запыхались, передохнуть надо. А противник? Что-то и не видно его совсем. Ей-ей пустое пространство! Ещё бы метров сто пробежать — и как раз у этой проклятой высоты в тылу. А уж оттуда-то её!.. С той-то стороны склон у высоты лесистый, там вверх незаметно можно. И вроде взвода противник не видит...

Только так Киреев подумал — фьют, фьют! — мины.

Обнаружили, значит. Накрывают. По квадратам бьют.

Лежать теперь — дело самое гибельное. Накроют — уже не встанешь. А если не двигаться — накроют обязательно. Надо куда-то побыстрей. Или назад отсюда, или туда — за высоту.

Только и встать никаких сил нет. Рвётся кругом земля, дыбятся чёрными фонтанами взрывов. Грохот прижимает, прижимает к полю, вот-вот совсем вдавит. Попробуй тут поднимись!

Но надо, надо встать!

Молодые, необстрелянные не понимают. Лопатки достали, закапываются. Да разве успеть? По квадратам ведь лупит. Один — недолёт, другой — перелёт, третий ещё, может, сбоку ляжет, а уж четвёртый-то определённо накроет. Бы-

вал под таким огнём Киреев, знает.

Не выдержал, вскочил он с земли:

— Вперёд! — И побежал.

Молодые, необстрелянные тоже лопатки побросали — и за ним. Броском из-под огня выбрались.

А Киреев снова:

— Вперёд!

И за высотой уже.

...Майор Дульников всё шаггал и шаггал по землянке. Нет, не мог командир роты ошибиться: он ведь раньше этим взводом командовал, где Киреев... Шептало этот... И если комроты говорит: «Киреев», значит, и к награде надо представлять Киреева. Такую важную высоту взял! Весь бой решил в нашу пользу. Только как же так? Может, не тот? Другой какой в роте появился, из пополнения, однофамилец, может быть?..

Майор подошёл к двери, распахнул её и крикнул куда-то вверх, наружу:

— Киреева из первой роты ко мне!

Минут через десять в дверь постучали.

— Войдите! — откликнулся Дульников.

Дверь скрипнула, в её чёрном проёме выросла тощая фигура с большим автоматом на груди.

— Товарищ майор, рядовой Киреев по вашему приказанию прибыл.

Майор отодвинул бумаги к углу стола, поднял голову:

— А громче вы можете докладывать?

Киреев смутился, опустил голову.

— Никак нет, товарищ майор, — прохрипел он. — Сызмальства такой я...

Дульников помолчал, что-то прикидывая в уме.

— А ну-ка, Киреев, крикните: «Вперёд!» Да погромче.

— Слушаюсь, — совсем тихо выдохнул рядовой. Он раскрыл рот, набрал в грудь побольше воздуха, надулся как-то, покраснел весь и прокричал: — Вперё-о-о-од!

Муха, сидевшая на листе бумаги, даже не вздрогнула.

Майор покачал головой.

— Скажите, Киреев, а как же вы взвод под огнём подняли? Кричали «вперёд»?

— Так точно, — кивнул Шептало.

— И слышали вас?

— Да кто их знает... Должно, слышали...

— И пошли за вами на высоту?

— Пошли. Рядовой Новожилов отличился: первым вверх взбежал, гранату в пулемёт бросил. Хороший солдат.

— Так откуда же у вас тогда голос взялся? Там ведь мины рвались, перестрелка, танки...

— Не могу знать, товарищ майор.

Дульников опять поправил бумаги, поднялся из-за стола.

— Н-да... Как же это объяснить?

Киреев молчал, уставясь в пол. Потом поднял голову, увидел бумаги на столе, ручку, торчащую из пузырька с чернилами, и спросил:

— Писать, товарищ майор? Как в тот раз?

— Ладно, идите, — улыбнулся майор. — Писать теперь я буду. Заполнять на вас наградной лист.

НЕИЗВЕСТНОЕ СЛОВО

Раз А. В. Суворов, беседуя с ветераном войны, неожиданно спросил его, что значит слово «отступление»!

— Не знаю, — отвечал тот. Суворов, который больше всего не любил такие ответы, нахмурился. Но старый воин тут же добавил:

— Воюя под вашим командованием, я о таком слове никогда не слышал.

Командир «летающего ромба»

ТО БЫЛ один из самых тяжёлых периодов в истории обороны Ленинграда. Фашисты пересекли последнюю железнодорожную линию, связывавшую наш город со страной, вышли к берегу Ладожского озера. А это означало, что ни поездом, ни автомашиной ни в Ленинград, ни из Ленинграда на Большую землю не проехать. Оставалась только одна дорога: водой через Ладогу. Но то был нелёгкий путь. Фашистская авиация целыми днями висела над озером. И чтобы не дать фашистам топить суда, вылетали наши истребители. В небе над Ладогой завязывались жестокие схватки.

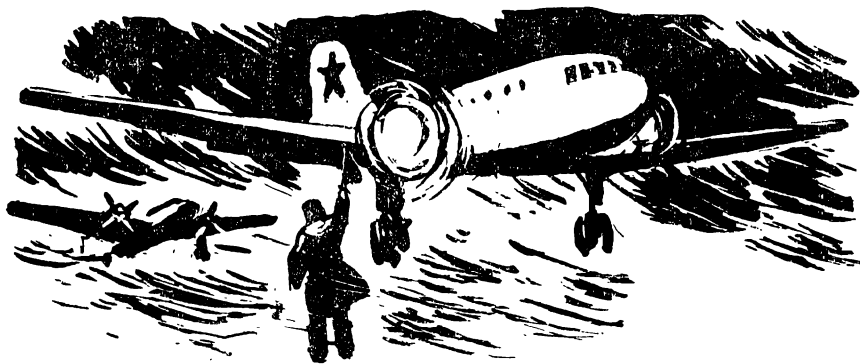
Приближалась зима 1941 года. Ладога покрылась коркой льда, которая не давала возможности идти пароходам, буксирам, баржам. В то же время ледяная корка была ещё очень тонкой. Осталась одна дорога — воздушная.

По ту сторону блокадного кольца, на глухом, затерявшемся среди хвойного леса аэродроме, в большие самолёты транспортной авиации грузили муку, прессованное мясо, жиры, концентраты. Лётчики придирчиво следили за тем, чтобы машины забивались до отказа.

Алексей Иванович Семенов был тогда совсем молодым лётчиком. Три скромных «кубика» старшего лейтенанта украшали его петлицы. Но хотя и молод был пилот, именно ему командование доверило водить эскадрилью ширококрылых транспортных машин с драгоценным грузом. Один за другим взлетали зелёные самолёты. Когда последний, двенадцатый самолёт отрывался от земли, тут же, над аэродромом, эскадрилья строилась ромбом. На первой, головной машине находился командир «летающего ромба» Алексей Семенов. Проверив строй, он ложился курсом на северо-запад и вёл за собой все остальные одиннадцать самолётов.

Сто минут длился каждый такой полёт. Сто минут смертельной опасности. Ведь над Ладогой кружили чёрные стаи фашистских истребителей. Почти каждый раз надо было с боем пробиваться к осаждённому Ленинграду.

Потому и строились самолёты Семенова ромбом, чтобы ни с какой стороны не смог незаметно подобраться враг. Эскадрилья обычно шла на бреющем полёте, так низко, что едва не задевала верхушки высоких елей. Двенадцать машин с двенадцатью пулемётами неудержимо неслись вперёд. Двенадцать стрелков бдительно смотрели по сторонам и, заметив врага, открывали дружный огонь. Двенадцать огненных струй заставляли фашистов держаться на расстоянии.

Вот наконец белая гладь Ладоги позади. Перед глазами ведущего в дымке начинают вырисовываться контуры города.

Семенкову особенно дорог Ленинград: ведь именно здесь началась его крылатая жизнь. Здесь он впервые сел за штурвал учебного самолёта, здесь же ощутил незабываемо приятное чувство первого самостоятельного полёта. А теперь этот город бьётся в тисках вражеской блокады. Ох как трудно приходится ленинградцам!

Сто двадцать поистине героических рейсов совершила эскадрилья Семенкова в ноябре — декабре 1941 года. Сто двадцать раз, оставив позади заснеженную Ладогу, приземлялись пилоты «летающего ромба» и вылетали обратно, вывозя из блокадного города детей и женщин.

Как-то ночью Семенков должен был доставить сверхсрочный груз для воинской части, пробивавшейся к Ленинграду. Предстояло пересечь линию фронта. Пилот поднял самолёт и повёл его на высоте две тысячи метров. Сверху было отчётливо видно, как на линии фронта багровым пламенем полыхала земля. Уловив приближение нашего самолёта, гитлеровские зенитчики открыли яростный огонь.

Семенкову не в новинку было пересекать огненный пояс фронта. Не раз приходилось ему летать с грузом к партизанам, а также к воинским частям, сражавшимся с фашистами в тылу. Вот и на этот раз, совершив противозенитный манёвр, лётчик благополучно миновал опасный участок полёта и вовремя доставил важный груз. Передав его по назначению, Семенков снова взмыл в ночное небо и повёл машину обратно к родному аэродрому.

Над линией фронта самолёт попал под огонь вражеских зенитчиков. Снаряды рвались совсем близко, и некуда было деваться от них.

Чудовищным грохотом оглушило экипаж. Вспышка от разрыва ослепила Семенкова. Он почувствовал сильный удар в лицо, но всё же удержал штурвал и резко спикировал. Стремительно приближалась земля, высотомер показывал уже шестьсот метров. И тут Семенков выровнял машину.

Линия фронта позади, самолёт уже летит над родной землёй, и всё же самое страшное в этом полёте только начиналось. В кабине темно. От стёкол нет и следа. Леденящий ветер пронизывает насквозь.

Семенков оглянулся, напряг глаза. Второй пилот Осипян безжизненно распластался на полу. В проходе неподвижно лежал бортмеханик Кривенчук.

А что же с радистом Фоминым? Неужели и он погиб? Радиста не видно. Семенков хотел было позвать Фомина и вдруг ощутил, что не может раскрыть рта... Провёл рукой по лицу — ладонь окрасилась лип-

кой кровью. Чувствует лётчик, что силы начинают покидать его, гулко стучит сердце, ломит голову... А до аэродрома ещё добрый час лёта... Семенков вглядывается в темень и думает: «Неужели один уцелел?»

Нет, не один! К счастью, Фомин был только оглушён разрывом и быстро пришёл в себя. Наклонившись над Кривенчуком, потом над Осипяном, радист убедился, что помощи им никакой уже не оказать. Тогда он подошёл к Семенкову и, увидя его залитое кровью лицо, решил наложить повязку. Но командир мотнул головой и жестом приказал радисту сесть в кресло второго пилота. На случай, если руки Семенкова перестанут держать штурвал, он покажет радисту, что надо делать при посадке.

Вот уже совсем близко родное лётное поле. Ослабевший командир собрал последние силы и посадил машину. В ту же секунду он без сознания свалился с сиденья.

Второй пилот А. А. Осипян был тяжело ранен в голову и остался жив. Теперь он работает в Адлере.

Я рассказал лишь об одном эпизоде из боевой жизни лётчика Алексея Семенкова. А ведь их было не один и не два. Расскажу вам о памятном рейсе, который Алексей Иванович совершил в последний день войны.

Собственно, война уже окончилась. В Берлине, над рейхстагом, гордо реяло в лучах весеннего солнца знамя Победы. Столица фашистской Германии полностью в руках героической Советской Армии. Но официально война ещё продолжается. Побеждённые должны подписать акт о полной капитуляции, о том, что они безоговорочно сдаются на милость победителя.

Самолёт Семенкова находился в это время в Москве, на центральном аэродроме. Неожиданно лётчика вызвали в штаб, где он получил приказание готовиться к рейсу в Берлин. При этом ему сказали, что рейс не рядовой, а особо ответственный. И даже своего рода исторический.

Самолёт был быстро подготовлен к вылету. Командир тщательно проверил готовность. Оставалось только запустить моторы.

И тут на лётное поле въезжают правительственные автомобили, останавливаются у трапа, ведущего в самолёт. Из машин выходят члены советской правительственной делегации, которая полетит в Берлин, чтобы принять капитуляцию врага.

Самолёт в воздухе. Семенков ведёт его над хорошо знакомыми местами, где гремели бои, где в осенние ночи садился он на партизанских аэродромах. Вот он, радостный день! Ему доверили последний рейс в этой страшной войне.

Берлин... Аэродром Темпельгоф... Прибывших советских делегатов встречают представители военного командования. Все усаживаются в машины, чтобы направиться в Карлхорст, пригород германской столицы (в разрушенном Берлине не нашли подходящего места для подписания акта о капитуляции). А Семенкову приказано:

— Самолёт не покидать! Никуда не отлучаться! Подготовить машину к обратному рейсу!

Под утро, когда уже начало светать, протяжный автомобильный сигнал разбудил Семенкова и его товарищей. По трапу поднялся правительственный курьер с портфелем в руках.

— Поздравляю вас, товарищи! — обратился он к экипажу. — Война окончена официально, акт о капитуляции фашистской Германии подписан! Вам, дорогие друзья, выпала великая честь доставить этот исторический документ в столицу нашей Родины!

Лётчики, бортмеханик, радист горячо обнялись. А через несколько минут самолёт Семенкова уже держал курс на восток, к границам родной земли. Это было в незабываемый день 9 мая 1945 года, в великий День Победы.

— Это был мой первый послевоенный полёт... — рассказывал мне Алексей Иванович. — Действительно, огромное счастье выпало на долю нашего экипажа.

После войны Семенков перешёл в Гражданский воздушный флот. Он стал одним из ведущих лётчиков и водил свою машину из Москвы в Бухарест, Будапешт, Софию, Вену, Прагу, Берлин, Варшаву, Пекин, Улан-Батор, Хельсинки, Кабул, Тегеран, Дели, Каир, Рим, Копенгаген и многие другие города планеты. В то время когда я приехал к нему в Москву, Алексей Иванович возглавлял Управление транспортной авиации Гражданского воздушного флота.

— А помните, Алексей Иванович, маленький аэродром под Тихвином в один из ноябрьских дней сорок первого года? Помните, когда я, корреспондент фронтовой газеты «На страже Родины», просил у вас разрешения лететь в Ленинград?

— Помню, помню, — улыбнулся Семенков. — Миллионы воздушных километров за плечами, но полёты в осаждённый Ленинград никогда не забуду. В моей лётной книжке они занимают особое место...

Вы, наверное, знаете, что каждому лётчику вручается так называемая лётная книжка. На её страницах строго регистрируется каждый полёт. И вот я листаю лётную книжку Алексея Ивановича Семенкова.

Скупы и коротки записи, сделанные в ней. Но на самом деле это волнующая повесть о крылатой жизни. Смотрю на одну из последних записей, где зарегистрирован полёт по маршруту: Москва — Лондон — Кефлавик — Гус — Бей — Нью-Йорк (Макгайр). В книжке указано, что полёт совершён на самолёте «ТУ-104». Я интересуюсь подробностями и спрашиваю о них у Алексея Ивановича.

— «ТУ-104» — первый пассажирский реактивный самолёт в мире. Он был создан руками наших конструкторов, инженеров, рабочих. Эта прекрасная машина уже побывала во многих странах Европы и Азии. И всюду она вызывала восхищение и восторг лётчиков и других авиационных специалистов. А вот в Соединённых Штатах Америки «ТУ-104» до поры до времени ещё не бывал. Наконец запланировали большой перелёт через Атлантический океан в Америку. Я был назначен руководителем этого полёта, который мы благополучно осуществили туда и обратно, показав надёжность нашего нового самолёта.

Совсем недавно Алексей Иванович Семенков опять побывал в нашем городе. Он теперь первый заместитель министра Гражданской авиации СССР. И я вспомнил сказанные им когда-то слова:

«Я родился не в Ленинграде. Но в городе Ленина я родился как лётчик. Первые записи в моей лётной книжке помечены Ленинградом. Я побывал чуть ли не на всех континентах мира, в десятках крупнейших городов земного шара. Но каждый раз, когда колёса моего самолёта касаются ленинградской земли, сердце бьётся особенно радостно. Ведь это бесконечно милый мне, родной Ленинград!»

Рис. В. Адаева

КОРОТКО И ЯСНО

В Древней Греции идёт военный совет. Один из присутствующих полководцев произносит пространную речь и обещает проявить чудеса храбрости. Затем наступает очередь другого полководца, очень храброго, но не обладающего даром красноречия. Он встаёт и говорит:

— Граждане Афин, всё то, что он сказал, я сделаю.

Прыгать— значит прыгать

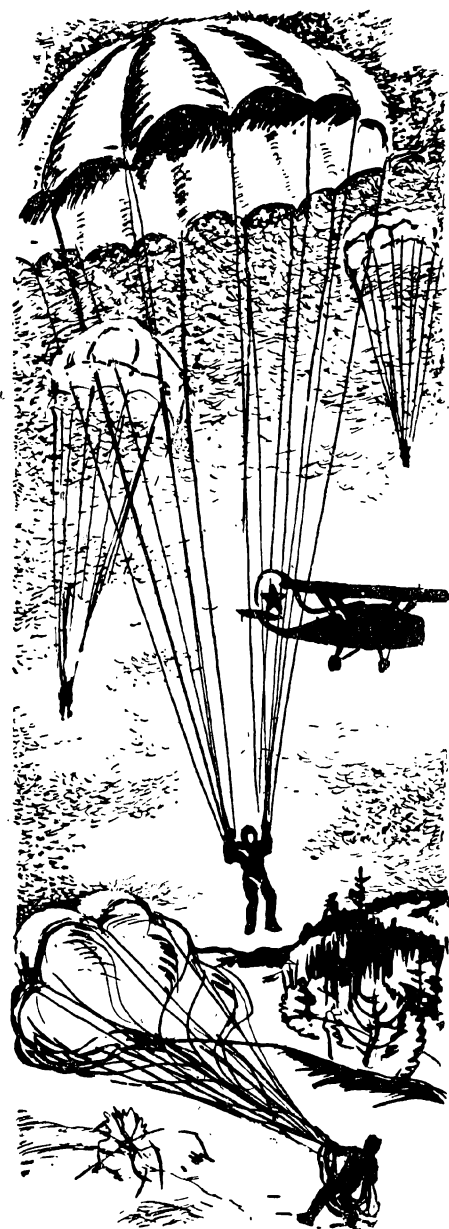

Рис. В. Адаева

НАШ старшина Иван Васильевич Неплохов обходил строй, нарочито медленно оглядывая каждого из нас от носков ботинок до выскобленных подбородков. Потом так же медленно шёл позади строя, и казалось, что наши причёски под его взглядом без вмешательства парикмахера принимают положенную форму, а носовой платок в кармане начинает выпирать так, что не заметить его просто невозможно.

Можно было месяц подряд каждый день иметь в кармане свежайший носовой платок — старшина им и не поинтересуется. Но стоило один раз — «первый и последний» — старшина тут как тут. «Конечно, естественно, первый и последний», — отвечал он, держа двумя пальцами этот самый «один раз», которым ты, как назло, почистил ботинки, спеша на построение...

И вот этот платок, как флаг сдающегося корабля, держит Иван Васильевич перед строем и долго объясняет, почему, не говоря уж о человеке в морской форме, но даже просто человеку необходимо иметь чистый носовой платок.

Потом он, всё так же неторопливо прохаживаясь, подчёркивал: всё будем делать хорошо.

— Так как будем делать?

— Неплохо, — отвечали мы вразнобой.

— Шуточки шутите, ну-ну, посмотрим, как дальше шутить будете.

А мы занимались скучным делом: укладкой парашютов. Каждый день одно и то же. Уложишь парашют, в который уже за день раз, несёшь на место — старшина тут как тут!

— Ну как, уложил парашют?

— Так точно, товарищ старшина.

— На место теперь несёшь?

— На место теперь несу.

— Ну давай неси.

А когда Неплохов останавливал нас после вечерней поверки, мы вообще готовы были на стенку лезть. Идёшь уже спать. Чувствуешь себя, естественно, не очень удоб-

но, ибо идёшь в одном нижнем белье, нагружен, как мул: брюки — в одной руке, форменка, гюйс ещё сыроватый, носовой платок, чтобы не смять — в другой, ремень на шее, да ещё полотенце, а старшина навстречу.

— Помылся? — спрашивает.

— Так точно, помылся.

— И брюки отпарил и платок выстирал, правильно? Спать идёшь?

— Спать иду, — отвечаешь.

— Ну и иди. Иди спать, — говорит Неплохов, спокойно говорит.

Дней за десять до первого прыжка Неплохов стоял перед строем и не улыбался.

— У кого какая метода, — говорил он, — у меня своя. — И повёл нас к сараю. Длинный такой сарай за гарнизоном стоял, снизу он нам довольно низким казался.

— Ну-с, — сказал Неплохов, — задача будет такая. Двое поднимаются на сарай, прыгают, стараясь попасть на выбранную ими точку. Остальные смотрят и их ошибки запоминают. Желающие есть?

Мы с Зиemiлисом поднялись на крышу, вниз посмотрели. Галка внизу мокрая, крупная, старшина улыбается и вроде бы даже не смотрит на нас. Мы друг от друга отвернулись и ухнули.

Сажу на галечке и глаза открыть боюсь. Чувствую, что жив, но вот целости в теле не ощущаю. А голос старшинский над нами прямо переливается от восхищения:

— Это ж надо какие храбрые, прямо ужас, с закрытыми глазами прыгают. Ну молодцы, и, всё тут. А ноженьки и рученьки, между прочим, один раз даются и надо сказать на всю жизнь; кстати, ягодицы тоже...

Мы с Зиemiлисом прямо на ягодицы приземлились. Больно.

НОЧЬЮ перед первым прыжком все усиленно делали вид, что заснули сразу. В казарме было так тихо, что появился встревоженный дежурный по части: не случилось ли чего?

Я лежал и думал: когда вернусь

в Ленинград, обязательно пойду пешком. Я буду очень медленно идти по Московскому проспекту, потом сверну на Лиговку и выйду по ней к вокзалу, а там Суворовский и деревья на моей улице. Потом я буду стоять у дверей, искать в вещмешке ключ. Ключ, который был всё время со мной и уже чуть поржавел. Потом я открою дверь квартиры, войду в квартиру, и мама будет сидеть на тахте так же, как сидит всегда. Она вскрикнет и сразу побежит на кухню. Потом она будет кормить меня и смотреть, и смотреть, и говорить о том, что у всех сыновья как сыновья, а я мало того что стихи пишу, так вот теперь ещё и прыгаю... А я буду молчаливо слушать и счастливо улыбаться, потому что нет никаких слов, которыми можно оправдать то, что мы заставляем своих матерей бояться за нас и что часто забываем написать несколько слов, всего-то несколько слов, чтобы их успокоить.

Я поднялся задолго до подъёма и стоял в умывальной, курил и смотрел, как прорастают сквозь туман сопки, и старался не думать о том, что через несколько часов...

После завтрака все заторопились. Оказалось, что ничего не уложено и не так уложено. Все начали метаться по казарме, и когда Неплохов крикнул строиться, я схватил в тумбочке запасные носки, книгу и почти последним выбежал к автобусу. А потом, когда мы ехали к аэродрому, всё время думал, куда мне теперь деть носки и книгу и зачем мне они?

По дороге нас настиг заряд. Заряды в Заполярье вещь странная и никакими прогнозами не предусматриваемая. Скажем, выдаётся однажды солнце, и ты находишь укромный уголок, ложишься и представляешь бледную свою, печатью Севера отмеченную спину и представляешь, что ты в Гаграх или там... И вдруг пошёл, пошёл снежок да с дождём вперемежку, и ты подхватываешься и бегом, бегом к казарме, тёплой, обжитой.

Мы уже сидим у шасси на жёсткой, сероватой траве. Лужи подёрнуты лёгким ледком. Время тянется нестерпимо. Книгу я засунул вместе с носками под куртку.

Запустили шар для определения ветра. Я равнодушно проводил его глазами, абсолютно не связывая его запуск с нами, и поэтому очень удивился команде строиться.

Неплохов и командир взвода шли вдоль строя, внимательно вглядываясь в наши лица. Потом мы один за другим потянулись в машину, расселись по местам, и я даже не заметил, как взлетел самолёт. Наша «аннушка» сделала разворот, и я потерял ориентир. Пропала серая лента взлётной полосы, в глаза бросились редкие горсти домов, сопки.

Неплохов открыл дверь. В самолёт словно вошёл плотный непрекращающийся шум.

— Ну, — сказал старшина и улыбнулся. Неужели опять будет проверять? Опять всё сначала... Что теперь-то надо этому придири?

— Ну-с, — повторил старшина. — Делай, как я.

Он чуть ссутулил плечи и равнулся вниз.

Я совсем не заметил, как подошёл к двери. Впереди была громадная, похожая на шкаф спина Зиемилиса, потом стало совсем просторно, и я только почувствовал, что уже кувыркаюсь. Вот последний кувырок, и парашют раскрылся. Инстинктивно посмотрел вверх. Казалось, что купол раскачивается, словно ловит солнце. Потянул лямки, ушла качка и повис, повис над землёй, маленькой, голубовато-коричневой землёй, которая медленно приближалась, со всеми своими разлуками и встречами, со всем тем, что было у меня в жизни и будет потом, и, словно забытая мелодия, возникла во мне и заполнила всё моё существо, и я запел, закричал от радости, от ощущения своей силы и полёта.

Ощущение это не прошло и потом, когда потащило по земле, и

было только очень жарко, хотелось растянуться, кувыркаться, обнимать землю, которая казалась уютней и родней во сто раз, а ты никогда не замечал этого и вот теперь заметил и понял, что теперь всегда будешь замечать это.

Я растянул подвесную систему, начал собирать парашют. Вытянул купол, скатал его в ком и начал вязать петлю из строп. Всё сложил в сумку, любуясь заученностью своих движений, не спеша застегнул сумку и вдруг поймал себя на мысли, что в точности скопировал Неплохова.

Я рассмеялся и увидел идущего ко мне старшину.

Он держал в руках книгу и один из моих носков.

— Где второй? — спросил он.

Я полез за пазуху и вытянул второй.

— Вот так-то, — сказал старшина. — Государственное имущество. Сколько раз можно повторять, что человек, даже если на нём нет морской формы...

— Должен быть аккуратным, — закончил я.

— Вот именно. Сложил парашют?

— Так точно.

— Ну давай к месту сбора.

— Есть.

Потом были ещё прыжки. Второй и третий. На пятом мне стало страшно. Я стоял третьим и вдруг почувствовал, что меня тошнит и ноги не слушаются. Я стиснул зубы, плотнее прижался к борту. Потом, нарочито медленно ступая, подошёл к двери и заставил себя посмотреть вниз. И прыгнул, стараясь не закрывать глаз. И, раскинув руки, ждал, когда дёрнет вверх раскрывшийся парашют и появится ощущение полёта и свободы.

В этот день я прыгнул ещё раз, заставил себя прыгнуть ещё раз, потому что если ты не сумеешь убить в себе страх, то рано или поздно будешь побеждён.

Так говорил старшина Неплохов. И я привык верить ему.

1.

Василий Захарович стоял на холмике, когда Лапин сказал ему:

— А лошадь-то под вами пала, Василий Захарович...

И Василий Захарович понял, что незадолго до этого Лапин мысленно посадил его на лошадь.

— Что же делать, — сказал он, высвобождая из невидимого стремени ногу и опираясь на подставленное Лапиным плечо, — потери, как говорится, неизбежны... можно только радоваться, что их нет...

И, сказав так, посоветовал Лапину попрыгать на месте, потому что противник неизвестно когда появится, а стоять на месте холодно.

— А когда он появится? — спросил Лапин, начиная прыгать на месте.

— Это никому не известно, — ответил Василий Захарович и, думая, какие они смешные, эти дети, пошёл проверять другие посты.

А те, кто остались с Лапиным, начали говорить, что в этом смысле на них можно положиться и что они прекрасно заметят, если что-то вблизи них появится.

И всё-таки, как и предсказывал Василий Захарович, противник появился совершенно неожиданно и совсем не с той стороны, с какой его ждали. Впрочем, так и должно было быть: противник всегда появляется не с той стороны, с какой его ждут.

Это тоже говорил Василий Захарович.

— Почему? — спросил его тогда Лапин, интуитивно понимая, что Василий Захарович прав и что поэтому было бы неплохо получить от него более точную информацию.

— А на то он и противник... Только гостя — да и то не всегда — в заранее условленном месте ждут...

Говоря так, Василий Захарович исходил из собственного опыта, потому что всю войну провоевал на фронте и знал в этом толк.

И всё-таки, если говорить о данной ситуации, противник в нашем случае просто заблудился: помощник командира потерял компас, и пришлось ориентироваться по карте, а карты, как известно, составляются летом. Сейчас же стояла зима, и многое в природе изменилось...

Так сразу всё — и карта, и природа, и утерянный компас — оказалось неожиданно на стороне противника.

И когда «синие» во главе с Василием Захаровичем сложили оружие, и Василий Захарович мысленно, как учил его Лапин, сдал свою шашку другому учителю физкультуры, Василий Захарович сказал:

— Ну вот и всё, наша песенка спета, идёте есть пирожки...

Другой учитель физкультуры, по фамилии Титов, строго спросил:

— А знамя?

— Какое знамя? — не очень охотно уточнил Василий Захарович, понимая, что знамя придётся отдавать.

НА БЕЛОМ СНЕГУ

Рисунки
П. Вискова

И тут выяснилось, что среди защитников крепости нет Лапина, а в снежном блиндаже, где под присмотром Лапина хранилось знамя, зияет огромная дыра.

Кто-то из «синих» радостно предположил, что Лапин во время штурма, не найдя иного выхода, пробил головой брешь в блиндаже и скатился с холма вместе со знаменем: потому что древко лежало тут же, а самого знамени и Лапина не было...

— Вот и следы! — радостно кричали «синие», указывая на длинную борозду, которая уходила с холма и в равной степени могла принадлежать скатившемуся Лапину или небольшому перекувырнувшемуся трактору. — Обдурил вас Лапин!..

— Ничего не обдурил, — отвечали «зелёные», понимая, что фи-га с два поймаете теперь Лапина, — сейчас мы его изловим и тогда посмотрим, кто кого обдурил...

И уже готовились было надеть лыжи, чтобы изловить этого самого Лапина, как другой учитель физкультуры, Титов, сказал своим «зелёным», что ловить никого не надо, что если уж упустили знамя, то, значит, ничья, и надо только покричать Лапина, и тогда он сам придёт...

— То есть, как — ничья?! — завопили «зелёные», отказываясь звать Лапина.

— А так, ничья...

И тогда «синие» в отместку «зелёным» радостно закричали:

— Лапин!..

— Ла-ааа-пин!..

— Ла-аа-пи-ии-ии-ии!..

— Выходи! Ничья!..

Попутно сообщая невидимому Лапину, что он абсолютно правильно действовал.

— Он не придёт, — сказал Василий Захарович, выгребая хлебные крошки, которые завалились у него в кармане.

— Придёт, — сказал учитель Титов.

Но так как Лапин действительно не приходил (наверняка сидел среди деревьев и радостно слушал, как его зовут), Титов велел «синим» и «зелёным» теперь немного пожаловаться, то есть морально воздействовать на Лапина, сообщив ему, что они все замёрзли, что их всех, в том числе Лапина, ждёт электричка и что на станции продают горячие пирожки.

— Уж это наверняка проймёт Лапина, — сказал учитель Титов.

На что Василий Захарович только улыбнулся, а «синие» и «зелёные» (примирившиеся с ничьей) стали кричать:

— Лапин!

— Пирожки!

— Электричка!

А потом, посоветовавшись немного, добавили от себя, что в конце концов, сделав доброе дело, невидимый Лапин должен покинуть лес...

— Он не покинет, — прислушиваясь ко всему этому, снова сказал Василий Захарович.

— Покинет, покинет, — ответил Титов. — Если уж говорить прямо, не с его физическими данными ползать в лесу. Про что я, кстати сказать, возражал...

— Я тоже, — сказал Василий Захарович. — Но все наши возражения не стоили одного «тьфу»...

— А во-вторых, когда тебя не преследуют, а с Лапиным именно так происходит, ты неизбежно должен повернуть назад...

— Почему? — спросил Василий Захарович.

Спросил совсем так, как спрашивал это Лапин.

— А потому что неизбежно ты должен повернуть назад... — И, пояснив это, другой учитель принялся прыгать через лыжу — для этого он держал лыжу в обеих руках и прыгал.

«Я так и думал», — отвечая своим мыслям, сказал про себя Василий Захарович.

«Я так и знал», — тоже подумал про себя другой учитель, Титов.

«То есть это я теперь знаю, — поправился Василий Захарович, — тогда как раньше я этого не знал...»

И хотя оба они в равной степени знали Лапина (Василий Захарович преподавал ему физкультуру раньше, а Титов теперь), оба они, как водится, подумали про совершенно разное.

— Я, пожалуй, пойду, — надевая лыжи, сказал Василий Захарович.

— А может, я? — спросил Титов.

Но так как Василий Захарович, ничего не ответив, уже покатил, крикнул ему вслед, что будет здесь дожидаться его и Лапина или, в крайнем случае, пойдёт на станцию, а потом вместе с другими начал кататься с гор.

2.

Неделю назад, когда другой учитель, Титов, объявил, что военная игра состоится на каникулах в среду, все в шестом-б закричали «ура», потому что давно мечтали об этом, Лапин закричал тоже. И хотя даже мысленно не представлял себя в роли военачальника, всё же надеялся, что его возьмут, потому что кое-какие успехи у него были: например, с координацией движений.

Когда учитель Титов, раскрыв общую тетрадь, зачитал списки и объявил, кому быть командирами, кому стрелками, а кому сани-тарами, и пояснил, в чём заключается работа пулемётчиков, Лапин себя в этом списке не нашёл.

Собственно, если говорить честно, он и не думал, что найдёт, потому что в первой и во второй четверти был практически освобождён от физкультуры, но всё же надеялся, что на военную игру освобождение не распространяется, хотя, безусловно, в этой игре нужно быть особенно ловким и закалённым и, конечно же, быстро ходить на лыжах.

Поэтому, когда Титов спросил, всем ли всё понятно и не забыл ли он кого, зачитывая списки, Лапин секунду подумал, а потом не очень уверенно сказал:

— Забыли...

А потом ещё подумал и добавил:

— Меня...

И тут все сразу вспомнили про Лапина и о том, что его действительно нет в списке, потому что никто не запомнил весь список сразу, а каждый запомнил в этом списке себя. И все стали предлагать, где можно использовать Лапина, и одни говорили — пусть он делает снаряды, а другие — пусть он лежит за пулемётом (потому что когда ты лежишь за пулемётом, меньше шансов, что ты вспотеешь и простудишься).

— Но так он тем более простудится!..

— Пусть он лучше делает снежки...

— Только определённого размера!..

— И не каменной твёрдости!..

«Вот! Все за меня, — с гордостью подумал Лапин. — И если бы это зависело от них, они бы меня приняли...»

«Они-то бы его приняли, — думал в свою очередь учитель Титов — но... как бы это полегче объяснить Лапину... да и остальным тоже, что вовсе мы его не забыли и что лично я о нём всегда помню, но, учитывая общее состояние и сложность игры... А может, сказать, что он будет заниматься в каникулы по индивидуальному плану?...»

И, признав эту формулировку наиболее правильной и окончательной, другой учитель, Титов, сказал:

— Видишь ли, Лапин...

Но тут в класс вошёл Василий Захарович. Он проводил такое же совещание у соседей и теперь весело спросил, всё ли в порядке, и тогда к нему, как к спасителю, как к старшему по званию, как к человеку, умудрённому жизненным опытом и различными ситуациями, бросился молодой учитель Титов...

— Из списков выпал один ребёнок, — сказал он.

«Какой?» — хотел спросить Василий Захарович, но, увидев стоящего Лапина уже понял какой...

«Я так и знал, — подумал он, — что и я, и Титов о нём забудем... Ещё утром я старался о нём не забыть, но тут привезли новые баскетбольные щиты, а потом пришли рабочие ставить шведскую стенку, и я в конце концов забыл...»

Тут Василий Захарович незаметно кивнул другому учителю, Титову, отвёл его в сторону и, как бы между прочим, стал говорить о щитах, хотя всем ясно было, что не о щитах, а что между ними начинается небольшое военное совещание, в результате которого решится судьба Лапина. И Лапин это тоже понял.

«Они ко мне неплохо относятся, — гипнотизируя их взглядом, думал он. — И Титов, и Василий Захарович... Сейчас они поговорят о щитах, а потом будут говорить про меня...»

И точно, в конце концов они заговорили про Лапина. Но какое они принимали решение, понять было невозможно, потому что весь их диалог состоял из: «Вы так думаете?» — «А вы как думаете?» — «А я думаю...» И ещё: «Но общее состояние... но корь, но коклюш...»

«Это мои болезни», — подумал Лапин.

И действительно, они говорили о его болезнях, вернее, о тех, которые он перенёс в первой и во второй четверти, а про другие даже не вспомнили. И хотя это были не особенно сложные болезни (корь и коклюш), почему-то они выбирали именно Лапина, хотя прекрасно известно: именно при этих болезнях человека нельзя навещать.

— Ты бы хоть болел неинфекционно, — говорили ребята Лапину, — а то всегда болеешь так, что тебя нельзя навещать...

Лапин и сам это понимал, но ничего поделать не мог. И когда у него опять поднималась температура, с надеждой думал: «Может, неинфекционно?»

Совещание между тем у окна кончилось. И другой учитель, Титов, подойдя к учительскому столу, громко сказал:

— Ребята, вышло недоразумение...

А Василий Захарович в знак согласия, что именно так, дважды развёл руками.

— Одного вашего товарища, — продолжал Титов, — забыли включить в списки...

— Не забыли, — поправил Василий Захарович, — потому что невозможно забыть человека, которому придётся ходить на лыжах, ползать и сидеть в снегу... Просто для него уготована такая должность, о которой...

И все радостно поняли, что сейчас Лапина включают в списки и он тоже будет ползать и сидеть в снегу.

И Лапин это тоже понял.

— Такая должность, о которой вам расскажет учитель Титов...
Учитель Титов немедленно кивнул и для убедительности пома-
хал списком.

— Какая должность? — спросили его все.

— Часовой у знамени, — сказал Титов. — Без этого никак ни в
одной игре. Знамя будет находиться в блиндаже, а часовой — у зна-
мени...

— Но это совсем не спокойная должность, — добавил Василий
Захарович.

И все увидели, как покрасневший от удовольствия Лапин сел.

Многие, конечно, понимали, что должность эту выдумали спе-
циально для Лапина, потому что в такой средней силы игре можно
было обойтись без неё, а кроме того, уж слишком виноватым казался
учитель Титов и слишком оживлённо говорил об этой должности
Василий Захарович.

Но Лапин так об этой должности не думал. Это была его долж-
ность, и если даже её выдумали, сейчас это не имело никакого зна-
чения.

— Пропало наше знамя, — сказал на большой перемене второгод-
ник Слонов и от огорчения махнул рукой. — На другую должность
нужно было Лапина ставить.

— А куда? — спросили все.

— На снаряды, — отвечал Слонов. — Но ничего, я его подкую...

И он пошёл разыскивать Лапина, который в это время сидел
в столовой и был далёк от всех этих разговоров, поскольку мысленно
выбирал место для себя и для знамени и думал, где достать лыжи,
и что надеть на себя, и как быть с лыжами: стоять ли в них у зна-
мени или положить рядом?..

«Пожалуй, лучше положить», — допивая кисель, подумал Ла-
пин.

Тут-то его и нашёл Слонов.

— Лапа, — сказал он, — они ничего не понимают, но я тебе всё
объясню... Если они схватят — молчи...

— Кто? — спросил Лапин.

— Шестой-а... Молчи. Если будут бить морду... — тут Слонов
хотел сплунуть, но увидел, что сидит в столовой, и не стал, — всё
равно молчи... Потом мы с ними разберёмся...

— Я буду молчать, — сказал Лапин, вдруг понимая, какая это
трудная должность. — Потому что, когда хочешь молчать, никто не
заставит тебя говорить...

— Верно, — удивился Слонов и пообещал вечером зайти ещё.

Отец у Слонова был военным, поэтому вечером Слонов принёс
Лапину книжку, в которой было сказано, что должен делать часо-
вой, ещё принёс свои старые лыжи, а также эскиз будущего знамени.

— Мы его сделаем из фанеры, это прочнее, — сказал Слонов.

— А почему оно синее? — спросил Лапин.

— Потому что мы — «синие», — сказал Слонов. — А если мы
«синие», мы не можем красить знамя в зелёный цвет.

— А этот... петух? — всё больше разочаровываясь, спросил Ла-
пин.

Ему не понравилось, что эмблемой на знамени будет петух.
К тому же он не был уверен, что Слонов сможет его красиво рисо-
вать.

— Это не петух, — сказал Слонов. — Это — буревестник, очень
гордая птица. Его не только на знамени, его где угодно можно рисо-
вать...

«Хорошо, пусть будет буревестник», — подумал Лапин и заглянул в книжку. Первое, что он прочитал, было: «В случае пожара, наводнения или иного стихийного бедствия часовой должен прежде всего выносить знамя».

— Ну, понял? — сказал Слонов.

«Но у нас не будет стихийного бедствия», — подумал Лапин.

И попросил Слонова сделать знамя из материи.

— Хорошо, — сказал Слонов.

И принялся натирать лыжи.

— Между прочим, обвал — это тоже стихийное бедствие, — сказал Лапин, на секунду перестав натирать лыжи.

— Ещё какое! — сказал Слонов.

— И ещё лавина...

— Какая лавина? — спросил Слонов.

— Не знаю, — сказал Лапин, — но она несколько не лучше, чем обвал...

Эту ночь Лапин спал очень чутко, заранее тренируя себя на роль часового.

«Главное, не забыть надеть валенки», — засыпая, подумал он.

3.

Василий Захарович шёл по лапинскому следу, полагая, что быстро догонит Лапина, потому что Василий Захарович кончал институт физкультуры, а Лапин не кончал, но потом раздумал идти быстро, решив, что пусть Лапин сначала устанет и усядется где-нибудь под ёлкой, а уж тогда его легче будет вернуть назад...

За шесть лет знакомства с Лапиным Василий Захарович не мог припомнить случая, чтобы Лапин не доставлял ему хлопот. То есть другие тоже доставляли хлопоты, но с Лапиным они были иного рода.

Так, например, года два назад, когда он уговорил Василия Захаровича взять его в двухдневный поход, Василий Захарович отлично помнит, что всё это закончилось неприятностями.

Лапин убедил его, а он, Василий Захарович, старый дурак, ему поверил, что Лапин знает, как строить вигвамы и как поддерживать огонь в очаге, чтобы он никогда не гас. Дело в том, что Лапин обладал даром убеждения, а Василий Захарович про сооружение вигвамов никогда не читал.

Кончилось всё тем, что сооружение, построенное по методу Лапина, обрушилось и кое-что из вещей, там находившихся, сгорело.

Потом уже, на перекрёстном допросе, Лапин признался, что ему казалось, что он был убеждён, что именно так строят вигвамы, но теперь он видит, что не так.

«Да-а, — подумал Василий Захарович, — никогда заранее не знаешь, что он выкинет...»

И на всякий случай ускорил шаги.

А Лапин в это время уползал по нетронутому лесу, ожидая неминуемой погони и думая о том, какой заметный след он оставляет преследователям всем своим несолдатским телом.

Один раз он услышал гудок электрички и свернул в сторону, чтобы не приползти ненароком на станцию и в то же время стараясь не попасть к дачам, которые начинались сразу за нетронутым лесом.

В рукава и валенки набилось снегу, и ползти было трудно, но это ничего не значило, так как главное — знамя — «зелёные» упустили и это упущение им никогда не вернуть.

Лапин представил себе, как потрясён случившимся второгодник Слонов и как потрясены «зелёные», и это доставляло Лапину огромное удовольствие.

Правда, к удовольствию примешивалась усталость, но Лапин старался её не замечать.

«Я всегда говорил, — закричит второгодник Слонов, — что людям нужно доверять!»

Что, собственно, делать ему со знаменем, Лапин ещё не знал, но видел, что всё получается так прекрасно и здорово, как вряд ли получится в настоящем бою.

И он даже подумал, что не обязательно, чтоб было стихийное бедствие. Можно и так.

Забравшись в лес, Лапин вдруг сообразил, что можно теперь не ползти, что преследователи, даже если они были, давно и безнадежно отстали, и тогда Лапин поднялся и пошёл в полный рост.

В лесу было тихо и снежно. И когда Лапин случайно задевал обвешенные снегом ели, потоки снега неудержимо бежали вниз.

И тут Лапин впервые подумал, что, собственно говоря, не знает, куда и зачем ему идти; это так удивило его, что он на секунду даже остановился, а потом решил залезть на ёлку и посмотреть, но вспомнил, как снимали его с каната, и не стал этого делать.

«В конце концов, — подумал он, — никогда заранее ничего не знаешь, а потом подумаешь, и всё становится ясно...»

4.

Иногда, наблюдая по телевизору за соревнованиями спортсменов, Лапин думал, какой силой воли должен обладать спортсмен, чтобы не вздрагивать при каждом выстреле стартового пистолета и не думать о том, что это у него под ухом выстрелило, а бежать, бежать, бежать...

Сам Лапин не только пугался выстрела стартового пистолета, но даже избегал ходить на стадион, инстинктивно чувствуя, что в толпе его могут обидеть, затереть или даже прижать.

Лишь однажды он был со своим классом на боксёрских состязаниях, которые ему не слишком понравились, потому что он не увидел в этом никакой обещанной Василием Захаровичем красоты, но зато удивил Василия Захаровича тем, что в семи случаях из одиннадцати определил точно, кто из боксёров выиграет и кто проиграет ещё до начала поединка.

— Как ты это определял? — спросил Василий Захарович, потому что исход некоторых поединков мог сам предсказать заранее, но он знал бокс и знал спортсменов, которые встречались, тогда как Лапин, судя по всему, этого не знал.

— Не знаю, — сказал Лапин и, застеснявшись, добавил: — Наверно, по поведению... Я бы так себя не вёл, если б даже заранее знал, что проиграю...

Василий Захарович удивлённо почесал у себя за ухом и очень внимательно посмотрел на Лапина.

К сожалению, это был его худший ученик, но если бы это был лучший, а в школе существовал предмет «спортивная психология», он бы поставил ему по этому предмету пятёрку.

— Ты ошибаешься, — сказал он, — это всем кажется, что на ринге он вёл бы себя по-другому, а когда выйдешь на ринг, всё оказывается не так...

Нельзя сказать, что Василий Захарович ничего не делал, чтобы Лапин стал хотя бы средним его учеником. Они оба в равной степени стремились к этому, а Лапин даже отказывался от освобождений, которые ему давали (хотя, при желании, мог бы получить их в любой момент). Но единственное, чего они добились, — у Лапина стало заметно лучше с координацией движений.

— А это уже кое-что, — сказал сам себе Василий Захарович, чувствуя себя в этот день в какой-то степени победителем. — Наверяд ли я когда-нибудь увижу, как он освоит турник, но будем хотя бы малому радоваться...

И, подстраховываемый Василием Захаровичем, Лапин отчаянно лез на турник.

Василий Захарович уже не сердился на Лапина, как прежде, что было в самом начале знакомства, теперь он после обоюдных усилий проникся к Лапину известным уважением.

А в шестом классе Лапина принял Титов.

Прежде всего он сказал Василию Захаровичу, что Лапин — это его, Василия Захаровича, недоработка и что он возьмётся за Лапина, и тот через месяц-другой перестанет быть укором любому учителю физкультуры.

— Вот-вот, — сказал Василий Захарович, — пробуйте. Мне скоро на пенсию, у вас всё впереди...

И другой учитель, Титов, начал пробовать.

— Смелей, смелей, — подбадривал он Лапина.

И Лапин с бешеной, как ему казалось, скоростью мчался, чтобы преодолеть «коня», и глаза у него при этом (у Лапина) были полны ужаса.

— Смелей, смелей, — говорил Титов, и, когда в последний раз говорил «смелей», Лапин подбегал к «коню» и, вместо того чтобы перепрыгнуть, подныривал под него.

«Он боится», — сокрушаясь, думал Титов и просматривал свои студенческие записки, где говорилось, как преодолеть брызнь.

Только однажды им повезло: после тщетных попыток Лапин наконец осилил канат, то есть забрался по нему с помощью рук и ног, а также различных мимических и волевых усилий до самого верха, и когда Титов пробормотал про себя: «Ну, наконец-то повезло...», отказался слезать вниз.

Пришлось Титову забираться к нему по другому, соседнему канату и по-альпинистски страховать этот отвесный спуск.

«Я должен выпустить его в жизнь полноценным человеком, — думал Титов, — но у меня пока ничего не получается...»

И пришлось признаться в этом Василию Захаровичу.

— Ничего, — сказал тот, — у вас впереди ещё время...

Разумеется, во всём остальном Лапин был вполне нормальным: и ходил нормально, и ел, как положено, правой рукой, а при случае мог дать сдачи, хотя в силу своих убеждений этого не делал.

— Ты обязан давать сдачи! — учил его второгодник Слонов. — Иначе что же ты будешь делать, если пошлют тебя в разведку?..

Хотя не хуже Лапина понимал, что в разведку того не пошлют.

И, вероятно, многие были бы поражены ответом Лапина, если бы спросили, кем он хочет быть.

— Боксёром, — ответил бы Лапин, — и ещё: военачальником. Но таким боксёром и таким военачальником, против которых было бы бессмысленно драться или воевать...

И вот теперь Лапин сидел под ёлкой и в надвигающихся сумерках думал, куда ему идти.

Вероятно, можно было пойти, напиться чаю, а потом позвонить Слонову и сказать: «Привет!»

Но, с другой стороны, Титов и Василий Захарович вряд ли таким решением останутся довольны: скорее всего, больше его не возьмут.

Лапин представил себе, какие неприятности ожидают его в школе, когда через четыре дня он там появится, и это не доставило ему никакого удовольствия.

Во-первых, Василий Захарович и Титов спросят его, куда он исчез, и скажут, что это тоже не доставило им особого удовольствия, потому что они два часа, вместо того чтобы отдыхать, искали его и не нашли.

Во-вторых, «зелёные» всё это обязательно припомнят Лапину, и, когда он пойдёт в туалет, кто-нибудь из них обязательно обольёт его водой.

Чтобы хоть как-то отвлечься, уйти от этих неутешительных мыслей, он вытащил знамя, которое изготовил Слонов и из-за которого разгорелся весь этот сыр-бор.

Буревестник был всё таким же петухом, если не считать, что накануне Слонов пририсовал к нему какие-то молнии — длинные и острые. Слонов сказал, что, раз есть буревестник, нужна и буря.

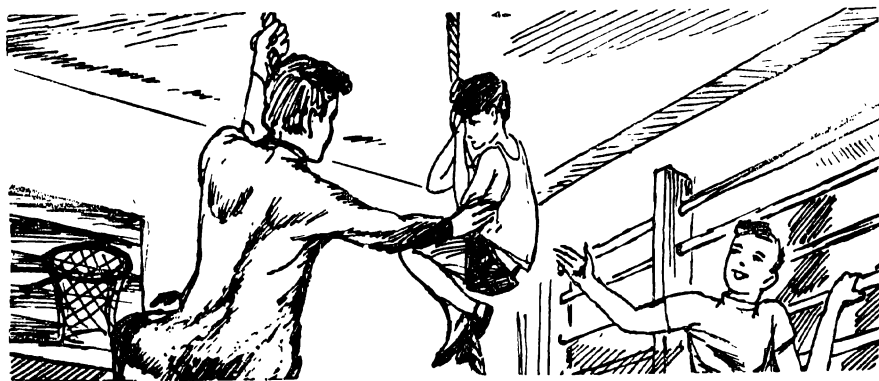
«Ну и что? — подумал Лапин. — Пускай буря...»

И тут заметил в правом нижнем углу от петуха какие-то буквы и прочитал: «Это знамя сделал Слонов».

«Тоже мне, — подумал Лапин и, проверив, нет ли там случайно собственноручной подписи Слонова, убрал знамя. — А «зелёные» даже и такое не смогли получить...»

И всё ещё не зная, куда он всё-таки сейчас направится, выбрался из-под ёлки.

И тут увидел Василия Захаровича: тот стоял, опершись на лыжные палки, и смотрел на Лапина.

5.

Учитель Титов посмотрел на часы и покачал головой: вполне естественно, ребятам пора есть, что они, собственно говоря, и требовали...

— Я думаю, — сказал учитель Титов, — мы не будем ждать Василия Захаровича и Лапина. Мы будем ждать их на станции и есть пирожки. У кого сколько денег?

Выяснилось, денег не хватит: на каждого получится по три четверти пирожка.

— Я куплю, — сказал Титов и, успокоив таким образом всех, нарисовал на снегу: «Мы на станции», а потом повёл за собой.

В первые полчаса после ухода Василия Захаровича всё шло нормально, все катались и про Лапина даже не вспомнили, но когда кататься надоело — вспомнили, и тут мнения о Лапине разделились: одни, в основном «синие», стояли за Лапина; другие, в основном «зелёные», отдавая Лапину должное, говорили, что так далеко уползать ему не стоило: можно было залечь со знаменем в ближних кустах и смотреть, чем всё кончится, а потом выйти — и всё, и никто бы ничего не сказал Лапину... А так он держит оба класса и ещё неизвестно, найдёт ли Василий Захарович его...

— Мы-то знаем вашего Лапина, — говорили «зелёные». — Он у вас обязательно или потеряется, или заблудится, а если не заблудится, то всё равно сделает так, чтоб его искали... Это он теперь учится у вас, а раньше-то он учился у нас...

— Ну и что? — отвечали «синие» во главе со Слоновым. — Раньше у вас, теперь — у нас... А вы что бы хотели? Чтоб он, по старой памяти, пришёл к вам со знаменем?..

— Мочалка у вас, а не знамя!..

— И дурак тот, кто нарисовал петуха!..

Тут Слонов тяжело задышал и полез на обидчика. Сначала он хотел треснуть его своей лыжей, но потом решил, что будет справедливей, если он сделает это лыжей, оставленной Лапиным.

— Но-но!.. — сказал Титов, конфискуя лыжи и успокаивая Слонова. — Будет лучше, если ты выпустишь, пока светло, «боевой листок»...

— О чём? — спросил Слонов.

— Про Лапина.

Тут опять завыли «зелёные». В правилах, говорили они, ничего не говорится про Лапина, то есть о том, что нужно уносить знамя, и, если на то пошло, они тоже могли бы что-нибудь унести и даже уехать с этим унесённым домом, но они не хотели нарушать правила. А Лапин, наверно, так и сделал: уехал спокойно домой и ест себе пирожки...

«Зелёные», кстати, проголодались первыми; вероятно, поэтому все их обличительные речи заканчивались пирожками.

Но, несмотря на всё это, «боевой листок» был выпущен.

В нём говорилось, что под ураганным огнём противника никому ранее не известный часовой Лапин пробил головой в блиндаже брешь и спас знамя. А рядом был нарисован некий тёмный человек, убегающий в лес.

— Кто это? — спросил Титов.

— Лапин. Конечно, не очень хорошо вышло, но...

— Ничего, — сказал Титов, — и так сойдёт... В жизни-то он, конечно, ещё лучше...

— Да, особенно, когда ест пирожки...

Тут Титов окончательно понял, что «зелёные» проголодались, и, оставив на снегу записку, повёл ребят за собой.

6.

Увидев Лапина, вот что подумал Василий Захарович и вот в какой последовательности:

«Сидит, голубчик...»

«Невероятно, но факт: он прошёл эти два километра...»

«Вернее, прополз...»

«И если сегодня вечером у него подскочит температура, я буду виноват...»

«И это будет только справедливо...»

— Это вы за мной шли? — радуясь, что хоть кто-то за ним пришёл, спросил Лапин.

— Я, — охотно сказал Василий Захарович.

И, полагая, что если уж идти по снегу, так в равных условиях, отстегнул лыжи. С одной стороны, такое единодушие должно было взбодрить Лапина, а с другой дать возможность ему, Василию Захаровичу, придерживаться темпа, взятого Лапиным.

— Из-за тебя поссорились две армии, — сказал Василий Захарович, путаясь в снегу рядом с Лапиным.

— Это ничего, — сказал Лапин (он был уверен, что обе армии уже примирились и теперь сообща едят пирожки). — Я думаю, они уже примирились... Надо будет в другой раз кому-нибудь из них предложить быть часовым у знамени, тогда посмотрим, что у них выйдет...

Василий Захарович засмеялся, а Лапин подумал: если в другой раз ему придётся быть у знамени, он выберет не этот лес, а что-нибудь поближе.

И, вздохнув, поглядел, сколько ещё идти.

СПОРЫ О ПЕТЕ

Родители Петины часто спорили о его характере. Начиная, конечно, мама. Петя однажды случайно слышал один такой спор.

— Типичный поросёнок! Просто неверный человек! — повторяла мама за дверью.

— А может быть, увлекающийся? — размышлял папа. — Может быть, страстный?

— Ну, хорошо, увлекающийся, но нельзя же менять увлечения каждый день! Вот я тебе перечислю. Шахматный кружок был?

— Был.

Петя и в самом деле ходил в шахматный кружок, покуда не проиграл подряд двадцать две партии.

— На трубе играл?

— Играл.

Петя и в самом деле учился играть на трубе и уже разучил бы свою партию в «Марше на-

химовцев», если бы куда-то не задевался мундштук.

— Марки собирал? — жёстко перечисляла мама.

— Сбирал.

Мало сказать — марки, Петя собирал и спичечные этикетки, и фантики, и открытки, и пуговицы, и рыболовные крючки, и гвозди, и цветные стёклышки, и шарики от подшипников, и серебряную бумагу, и пёрышки, и камни, и жуков, и бабочек, и оловянных солдатиков, — да кто всего этого не собирал!

— Позволь, — сказал папа, — вот ты сказала, что у него каждый день новое увлечение, а назвала всего только три: шахматы, труба и коллекционирование. А ведь в году, как известно, триста шестьдесят пять дней. Где же остальные триста шестьдесят два увлечения?

— Не придирайся к словам. Не ехидничай. По крайней мере ещё шестьдесят два наберётся.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1 за 1972 г.

А что, если хорошенько посчитать, то в самом деле могло набраться ещё шестьдесят два увлечения, и это, конечно, было уже многовато.

— Это настоящее бедствие! — восклицала мама.

— Он ещё мал, — уговаривал её папа.

— Ох, чувствует моё сердце, что он ещё будет расплачиваться за своё непостоянство!

И оба сошлись на том, что увлечения никак не должны отражаться на отношениях с людьми.

Конечно, родители, как люди весёлые и отходчивые, простили ему историю с лимонами, тем более что они очень удивились и обрадовались его новому знакомству.

— Интересно! Весьма! — говорил папа, расхаживая по комнате. — Я очень внимательно слежу за жизнью этой республики. Больше того, скоро у меня в институте доклад о новых государствах в Африке. Так что, Петя, я надеюсь на твою помощь... Одним словом, устрой мне свидание.

— Да в чём дело! — воскликнула мама. — Зови их в следующее воскресенье к нам!

— Мама, только бананов обязательно купим! — крикнул Петя.

Папа ехидно спросил:

— А лимонов?

До вчерашнего дня Петя приходил в восторг от одной мысли о будущей встрече.

Это была поистине замечательная идея: собрать всех вместе, разговаривать, смеяться, пить чай с пирожными, мо-

жет быть, даже танцевать бабамуку!..

Но сегодня всё уже было потеряно.

«Замечательная идея... — бормотал Петя. — Просто гениальная... И как это нам пришлось в голову... И кто это только первый придумал...»

Он бормотал всю эту бессмыслицу от отчаяния и тоски, которая распирала ему грудь. Он был глубоко несчастен, этот Петя, и даже ненавидел себя.

НОЛЬ ВНИМАНИЯ

Вечер был никаким: ни тёплым, ни холодным, ни светлым, ни пасмурным. Просто так, вечер как вечер. Фонари как фонари. Снег как снег.

Из подворотни на Петю побежала какая-то незнакомая большая овчарка, скорее всего из соседнего дома. «Этого ещё не хватало», — подумал Петя, весь сжавшись. Овчарка жадно обнюхивала его. Но тут показался хозяин и крикнул:

— Марс, ко мне!

«Марс! — возмущённо подумал Петя. — Нептун! Уран! Тоже мне планеты. Раздадут самые хорошие названия собакам, что, других кличек, что ли, нет!»

Он поддал ногой пустую коробку из-под папирос «Казбек», хотя в другой раз он бы её, пожалуй, и поднял.

Он отшвырнул далеко к помойке замечательную гранёную пробку от флакона, оказавшуюся в кармане, хотя в другой раз никогда бы этого не сделал.

Нет, ему было явно не по себе!

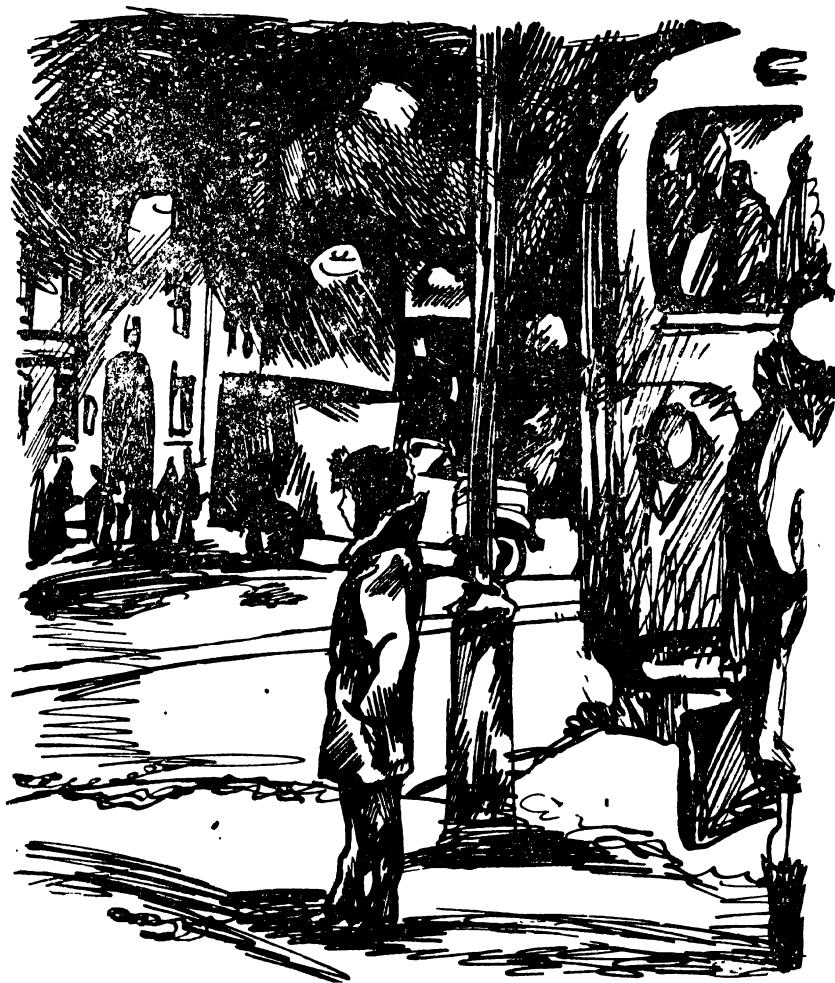
— Вертятся тут всякие под ногами!.. — пробормотал он, хотя под ногами у него никто и не вертелся.

Выйдя из дома, он решительно повернул налево и, засунув руки в карманы, твёрдым шагом пошёл по тротуару, как будто был уверен, куда и зачем идёт.

В освещённых окнах первого этажа, мимо которых проходил Петя, можно было уловить взглядом нарядные полки с

книгами и уютные настольные лампы, спокойные занавеси и цветы, ковры и картины, аквариумы и птичьи клетки.

Навстречу Пете бежал трамвай с двумя огнями: красным и синим. Из фургона, преградившего тротуар, выгружали ящики с тёплым хлебом и подавали их в булочную. Вдоль высокого корпуса, освещённого голубым «дневным светом», висело гудение, временами там что-то ухало и лязгало — это во вторую смену работал завод.

Да, жизнь текла по-своему, неторопливо, но упорно и бесповоротно, как большая река, и нужно было в этой реке не только держаться на плаву, кое-как барахтаясь, но и начинать плыть по-настоящему, — да, уже было пора!

Петя дошёл до конца улицы и остановился перед студенческим общежитием. Светилась только часть окон, но в дверь непрестанно входили люди, и в разных местах — то там, то здесь — вспыхивал свет.

Он стоял возле трамвайной остановки. Из-за поворота, скрежеща, подъезжали трамваи, люди входили и выходили. И не было им никакого дела до стоявшего одиноко Пети, — всех их ждали друзья, развлечения, книги, у каждого были свои серьёзные заботы и дела.

Он стоял так довольно долго, держа всё время под наблюдением вход в общежитие. Один раз он увидел на крыльце негра под руку с девушкой и уже бросился было к ним, перебежал половину улицы, но вовремя понял, что это не Мишель, а уж тем более не Андерс, а какой-то другой...

Петя уже намеревался уйти, ничего не желая и ни на что не надеясь, но тут к остановке подкатил ещё один трамвай. С передней площадки спрыгнул огромный негр, и Петя крикнул:

— Андерс!...

За Андерсом вышел Мишель, и, не замечая подбежавшего Пети, они повернулись и помогли выйти из трамвая ещё

одному человеку — пожилому, в меховой папаше и с тростью. Втроём они перешли улицу и скрылись в дверях общежития.

«Зачем я им? — думал Петя, после того как хлопнула дверь. — Что им мои извинения? Да они уже, наверное, и забыли, разве им до этого?»

И он пошёл по улице — не по своей, по первой попавшейся, — просто так, бродить.

МАТАДОР

С того дня как они переехали, Алиса приходила сюда каждый день. Старый бревенчатый дом, один из последних в этом районе, а может быть и во всём центре города, доживал свой век, готовился к сносу. Рядом с ним ещё с осени начали строить новый, пятиэтажный, а на месте старого был запланирован сквер.

«Ну и пусть сквер, — думала Алиса. — Вот и хорошо, что сквер. Пусть будут деревья, цветы, кустарники. Пусть будут детские качалки и горки. Я-то всё равно запомню мой дом. — И прощалась с ним мысленно: — До свиданья, старичок, до свиданья, любимый».

Алиса и носом шмыгала иногда и слезу подбирала, но вообще-то она не была плаксою и приходила сюда вовсе не для того, чтобы в растроганных чувствах смотреть на свои старые окна. Дело было в том, что накануне их переезда пропал кот Матадор. С ним и раньше такое бывало — он исчезал на несколько дней. Но ведь предотъездную суматоху в доме и сборы он чувствовал!

Так что же мог он надолго уйти, значит, кто-то его похитил. Матадор был рыжим красавцем, с длинной пушистой шерстью, с доверчивым недрачливым характером, и почти каждый, кто хотел, мог его подманить, а потом взять на руки.

Но в то, что Матадор не сможет жить у других хозяев и обязательно убежит из неволи, Алиса верила. Значит, он должен рано или поздно прийти в старый дом.

Парадная была заколочена, и Алиса не могла проникнуть внутрь дома. А Матадор-то — мог! За столько лет он изучил все тайные ходы и выходы, доступные только ему, поэтому он и сейчас мог быть в доме.

— Матадор, Матадор!.. — негромко звала Алиса, принимая к окнам.

Было уже темно. Угрюмый, с чёрными окнами дом выглядел жутковато. Соседняя новостройка с её вечерним безлюдьем ещё подчёркивала пустынность этого места. Электрических фонарей поблизости не было, и только сугробы белого снега давали какой-то свет.

— Матадор! — позвала ещё раз Алиса.

Разумеется, в такой темноте она не могла видеть, что за нею, прижавшись к стене старого дома, внимательно наблюдает один человек. Этот человек был не кто иной, как Петя.

Он и сам не смог бы объяснить, как сюда пришёл: просто ноги привели. Он знал, что дом

пустует, что ни одной живой души в нём не осталось, и уж меньше всего он рассчитывал встретить там Алису. Просто захотелось прийти и взглянуть — так бывает.

И вот когда он услышал, как кто-то зовёт Матадора, он вздрогнул, у него перехватило дыхание и вроде бы помутилось в голове.

«Алиса!.. — чуть не вскрикнул он. — Ну вот, наконец-то встретились!..»

Он прижался к стене, как бы слившись в одно целое с домом, и замер.

«Что же я ей скажу? — лихорадочно думал он. От неожиданности у него все мысли из головы вылетели. — Как же я объясню?..»

Алиса тем временем медленно шла вдоль дома. Она обходила его во второй раз, уже ни на что не надеясь.

— Матадор, Матадор! — позвала она. — Кис-кис-кис!..

Алиса приближалась.

«Вот сейчас она подойдёт, — соображал Петя, — я выйду и скажу:

— Ну хватит, слышишь, Алиса, хватит ссориться, давай вместе что-нибудь придумаем, знаешь, вместе мы и Матадора скорее найдём, да и вообще... Короче говоря, давай мириться, Алиса!»

Между тем, убедившись, что кота в доме нет, Алиса, не дойдя немного до Пети, остановилась, вздохнула и медленно побрела по тропинке к улице.

«Уходит! — понял он. — Уходит! Что же делать?» — Он хо-

тел броситься вслед за ней, остановить, растормошить, успокоить и вдруг неожиданно для себя — Петя и сам потом не мог понять, как это вышло! — он спрятался за выступ крыльца и тоненько выкрикнул:

— Мяу-у!..

Алиса, конечно, вздрогнула и остановилась.

— Матадор! — вскрикнула она, как бы не веря своим ушам. Она побежала обратно и застыла в нерешительности, прислушиваясь, недалеко от крыльца.

— Матадор, Матадор, где ты?..

Алиса заглянула за угол дома и уже, видимо, решила, что ей почудилось. В это время Петя подумал, что ему всё равно уже терять нечего, и во второй раз сказал «мяу».

Тут Алиса не на шутку заволновалась.

— Где ты, глупый кот? — крикнула она в отчаянии. — Под крыльцо, что ли, залез?

— Да, я под крыльцо залез, — своим голосом сказал Петя и сейчас же бросился к Алисе, потому что она, наверное, упала бы от страха, если бы он её не поддержал.

— Только ты не пугайся, слышишь? — бормотал Петя. — Ты не пугайся, я не хотел... Это я случайно...

Но уже было поздно: Алиса, не в силах вынести обиды, страха и разочарования, всхлипнула, закрыла лицо руками и побежала.

— Я найду тебе Матадора, найду! — крикнул Петя ей вдогонку, а сам грустно подумал: «Ну всё, это конец».

ЕЩЁ ОДНА ВСТРЕЧА

На другой день после уроков Петя снова пришёл к старому дому в полной решимости найти Матадора.

Рядом, на стройке, работали люди, слышались их возгласы, кто-то кричал: «Вира! Вира!» — и короткими звонками откликался подъёмный кран.

Прежде всего Петя оглядел снег вокруг дома — не видно ли на нём следов кошачьих лап. Следы были, и множество, и некоторые вели к дому, но сказать наверняка, которые из них принадлежали Матадору, было, конечно, невозможно.

ВОЕННЫЕ ТРОФЕИ

На военном совете генералы союзных с Россией армий потребовали, чтобы винтовки, отнятые у врага, были отданы их войскам. Услышав эти претензии, Суворов приказал отдать всё захваченное оружие союзникам, прибавив при этом:

— Мы добудем ещё много оружия от врага, а где его взять нашим союзникам!

В раздумье Петя вошёл на крыльцо и машинально дёрнул дверь. Он чуть не упал при этом, потому что дверь подалась с лёгкостью. Она попросту была отперта. Это очень удивило Петю. Он даже слегка заволновался при мысли, что сейчас окажется в старом жилище Алисы.

Он вошёл. Вошёл в сени, а потом в прихожую, в которую входил столько раз. Вот здесь он тщательно вытирал ноги, вот здесь вешал пальто — от вешалки на обоях остался след.

Грустные воспоминания нахлынули на Петю. Он прошёл в комнаты. Всюду валялись

какие-то стружки, старые газеты и другой мусор. Всё это было не похоже на жилище Алисы!

Он переходил из комнаты в комнату, возвращался обратно, даже забыв на какое-то время о цели своего прихода.

И вдруг в тишине, усиленной нежилой пустотой, ему послышался какой-то мерный стук, доносившийся из сеней. Он подошёл к прихожей и с тревогой прислушался. Да-да, по деревянной лестнице, соединявшей первый этаж со вторым, гулко стучали шаги. Кто-то шёл вниз.

Всё в Пете похолодело. Он скользнул в первую комнату и спрятался за распахнутой дверью.

Человек потоптался в сенях и не спеша вошёл в Алисину квартиру. Что-то привлекло его внимание в прихожей, потом он вздохнул и, неторопливо стуча сапогами, двинулся дальше.

И вот он уже здесь. От Пети его отделяло лишь тонкое полотно двери.

Затаив дыхание и мертвея от страха, Петя косил глазами на щель. И вдруг что-то знакомое, уже однажды виденное Петей мелькнуло между краем двери и косяком. Зелёная куртка, шапка-ушанка, золотистый чуб из-под неё...

«Да это же пожарный инспектор Василий!» — с облегчением подумал Петя. Он толкнул дверь, и Василий резко обернулся.

— Кто здесь?! О госпо-

ди... — простонал он. — Это ж надо так напугать... Петя, да? Ты ведь Петя?

— Да, я Петя! А вы — Василий!

— Ой, подожди!.. В себя не могу прийти... Ну, рассказывай, как тебя сюда занесло?

— Да, а помните, как вы меня тогда напугали? И моих мышек! — воскликнул Петя.

— Помню, помню... Зуб за зуб, око за око, испуг за испуг.

Они уселись на пол, на старые газеты, и Петя всё рассказывал Василию, чистосердечно, — начиная с цирковой премьеры и кончая историей про то, как пропал кот Матадор.

— Погоди, погоди, — перебил его Василий, — кот меня сейчас не так интересуется, а вот скажи, действительно тебя Алиса ждала целый вечер, а ты не пришёл?

— Да, — кивнул Петя и отвёл глаза от Василия.

— И часто так с тобой бывает?

— Часто, — признался Петя. — Почти всегда...

— Почти всегда?.. — Василий даже привстал. — Как же ты живёшь, бедняга? У тебя есть друзья?

— Нет... — прошептал Петя. — Были, даже из других стран, но я всех потерял...

— Из каких стран?

— Из Африки.

— Так, значит, ты своей неверностью уже международно известен?

«Да, действительно», — с удивлением подумал Петя и горько усмехнулся.

— Да, это так...

— Что же мне с тобой делать?

Василий задумался. Потом он воскликнул:

— Скажи, Петя, а знаешь ли ты, что такое пожар?

— Да, знаю, — ответил Петя. — Это когда горит что-нибудь. Один раз я даже видел, кажется там горел сарай...

— Горел сарай, говоришь? Это на Кировском проспекте?

— Да!

— Нет, это не то. Пожар — это совсем другое. Слушай меня внимательно...

СТРАСТНОЕ СЛОВО ВАСИЛИЯ

Василий вскочил и раскинул руки.

— Представь, Петя, горит дом!.. Пламя бушует в пятом этаже семиэтажного дома! Стёкла лопнули от высокой температуры, рамы сгорели, и языки пламени вырвались, как из пасти дракона, наружу и лижут шестой и седьмой этажи. Клубится чёрный дым, верхних окон уже не видно. Жильцы пятого этажа успели бежать вниз, и там нет ни одной живой души, хотя горит всё: книги, одежда, рояли, мебель! А в верхних этажах — люди! Пока они собирали кое-какие пожитки, их отрезало, путь вниз преградили им дым и огонь, огонь и дым.

На улице крик, гам, остановилось движение, люди выбежали из домов, парикмахерских и магазинов. Кто-то, об-

мотав мокрым полотенцем голову, бросился вверх по лестнице, кто-то по другим лестницам — на чердак и на крышу. Но никто ничего толком не может сделать!

Один смельчак прорвался сквозь огневой заслон и, задыхаясь от дыма, пополз по полу, руками ощупывая все углы и предметы. Но где же люди? «Лю-ди-и!..» — кричит он и кашляет, и обливается слезами, и невдомёк ему, что двое детей заперлись в ванной и сидят там, не отрывая глаз от кудрявых струй дыма, и плачут от страха...

А внизу уже вся улица запружена народом. Подъезжают милицейские машины, кареты скорой помощи, кто-то плачет, кто-то воет, раздаются свистки. «Где же они? — только и слышно. — Почему же не едут? Ах, всегда, когда нужно, их нет!..»

И вдруг — рёв сирен, и на полной скорости, не переставая реветь, среди отхлынувшей публики к дому подкатывают одна за другой три красные машины. «Да что вы зря говорите, — облегчённо гудят в публике, — вот они, здесь!..»

В мгновение ока из машин выскочили пожарники в брезентовых робах и касках. Сами собой поползли вверх лестницы, закрутились барабаны со шлангами. Надев противогазы, захватив брандспойты, пожарники закарабкались вверх. Некоторые из них побежали в парадную и скрылись в клубах дыма.

И вот их нет две, три, четыре минуты, но все внизу знают: что-то там происходит. И вот их нет пять минут. А дым всё валит и валит, и пламя бует... Но тут общее внимание перекинулось на подъезд. Из него пожарники выносят и тех двух детей, и ещё каких-то людей, и того смельчака, — несут к санитарным машинам. «Живы? Живы?» — проносится в публике. «Живы, — отвечают пожарники. — Без сознания». Санитарные машины включают сирены и уносятся, и когда все снова поднимают глаза вверх, то видят чёрные стены верхних трёх этажей, пустые прямоугольники окон и лёгкие, прозрачные клубы дыма, vyplывающие из них. Кто-то даже разочарованно произносит: «Что, и всё?..»

И всё. Вот, Петя, что такое пожар.

ПРЯМАЯ ДОРОГА

Петя так увлечённо слушал Василия, что теперь не мог вспомнить, как и в какой мо-

мент он забрался на подоконник. Спрыгнув на пол, он покачал головой:

— Вот это да-а...

— Теперь представь, Петя, — продолжал Василий. — Вот ты утром вышел из дому и не обнаружил в своём почтовом ящике свежих газет: почтальон забыл про твою квартиру. Как ты выйдешь из положения?

— Пойду в киоск...

— Это правильно, в киоск-то ты пойдёшь, но он окажется закрытым: киоскёрша не пожелала выйти на работу, к ней родственники из другого города приехали. Что ты будешь делать?

— Ну как что? — сказал Петя. — Ну, допустим, прочитаю газету на щите. На нашей улице вон сколько щитов!

— Это всё хорошо, но, понимаешь ли, дело в том, что и там ты не обнаружишь свежей газеты, по той причине, что она просто не вышла, — так, конечно, не бывает, но представь, что печатники сказали:

ТОЧНЫЙ ОТВЕТ

Однажды Суворов в шутку спросил солдата:

— Как ты думаешь, любезный, далеко ли до Луны?

Солдат без малейшего колебания ответил:

— Около трёх дней маршем.

— Молодец, — воскликнул А. В. Суворов, довольный таким ответом.

— Но только, ваша светлость, — добавил солдат, — если вы нас поведёте.

Рис. Ю. БОЧКАРЕВА
и А. КУРУШИНА

Собрала
П. АННЕНКОВА

да ну, надоело работать, давайте устроим лучше день здоровья, вон какая погода хорошая!

— Ну, это уже безобразие, — сказал Петя.

— Конечно, безобразие. И с почтальоном, и с киоскёршей, а тем более с печатниками. Но ведь и в этом случае ты не пропадёшь, да, Петя?

— Не пропаду, конечно. До завтра как-нибудь перебыюсь.

— Правильно, перебыёшься. И вот так что ни возьми: водопровод, магазин, трамвай, парикмахерская не работают, — безобразие, конечно, но один денёк можно потерпеть. Что же можно сказать о пожарниках? Вправе ли они откладывать свой приезд на завтра?

— Так ведь дом сгорит! — воскликнул Петя. — Люди погибнут!

— Вот именно. Пожарник безотказен. Пожарник — вот он здесь, в любую минуту! Пожарник — самый надёжный и верный человек. И потому, Петя, чтобы как-то выбиться в люди, прямая дорога тебе — в пожарники!

Этот вывод был так прост, так неожидан и так справедлив, что Петя сначала не мог выговорить ни слова, а всё только глотал слюну.

— Да ну?! — воскликнул он наконец. — А я бы пошёл!

— Вот и отлично!

— Только когда?..

Василий подумал:

— Знаешь что, давай с сегодняшнего дня!

СОМНЕНИЯ ЛЁША КОПЕЙКИНА

В тот же вечер ученик пятого класса Лёша Копейкин сидел дома и спокойно делал уроки. Папа его был в экспедиции, а мама ушла по делам и должна была скоро прийти.

Неожиданно зазвонил телефон.

— Алё, алё,—закричал Лёша. — Мама, это ты?

Но в трубке прозвучал какой-то мужской голос:

— Алё, позовите, пожалуйста, Лёшу Копейкина.

— Это я—Лёша Копейкин. А это кто говорит?

— Ты один дома?

— Один.

— Спички не трогаешь?

— Какие спички?

— Да, в общем, ладно. Ну, как дела?

— Кто это говорит? Я ничего не понимаю.

— Слушай, а ты соловьём умеешь? Пётр меня попросил.

— Какой Пётр? Дядя Пётр, может, это вы? Хватит вам притворяться!

— Василий.

— Какой Василий?

— Это я — Василий.

— Что-то я вас не знаю.

— Не может быть. Ну бог с ним. Послушай, как я соловьём.

И незнакомец вдруг засвистел, защёлкал, затренькал. И так же неожиданно замолчал.

— Алё! — крикнул Лёша Копейкин. — Что-то у меня нет знакомых, которые бы умели соловьём. А тем более Василиев. Вы случайно не

Соловьёв-Седой? Он тоже, кажется, Василий. Алё, Алё! Что же вы молчите?

В трубке было тихо. Лёша Копейкин уже не мог без окончания этого странного разговора, и он изо всех сил дул в трубку и кричал «алё». Наконец Василий какой-то на том конце провода снова заговорил:

— Алё, Лёша, так как дела?

— Куда вы пропали? — спросил Лёша Копейкин.

Василий на том конце провода, пожалуй, что-то ел, потому что голос то и дело густел и прерывался.

— Вы что там, едите? — спросил Лёша Копейкин.

— Ем. А что?

— Ну странно как-то...

— А чего странного? Тороплюсь.

— Куда?

— Как куда, на пожар.

— На какой ещё пожар?

Василий помолчал, дожёвывая.

— На обыкновенный.

— Горит что-нибудь?

— Нет ещё.

— Как это нет ещё? Вы как-то загадками говорите.

— А чего тут загадками! В восемь загорится.

— Что загорится?

— Да дом один. Номер девять по Угловой улице.

— Да что это вы говорите! Откуда вы можете знать, когда загорится?

— Сам подожгу.

— Ну, знаете, это уже совсем нелепость...

Теперь замолчал Лёша Копейкин. Он не знал, продолжать ему этот странный разговор или прервать. Пожалуй, надо было заканчивать. Либо этот человек его разыгрывал, либо это был какой-то ненормальный, а может быть, даже преступник.

— Да ладно переживать-то, — сказал неизвестный. — Подумаешь, сгорит дом. И не такие ещё горят.

— О вас надо в милицию сообщить, — сказал Лёша.

— Вот это напрасно. Слушай, дела-то как, ты не сказал.

— Какие ещё дела?

— Уроки, к примеру... Ну ладно, так ровно в восемь. Пока.

В трубке загудело.

На секунду оторопев, как бы мысленно проверяя реаль-

ность только что оконченного разговора, Лёша Копейкин молниеносно набрал номер милиции.

— Товарищ милиционер, товарищ милиционер, дом хотят поджечь на Угловой улице!

— Понятно, — сказал милиционер, даже не выслушав Лёшу до конца. — Прием меры. Спасибо! — И повесил трубку.

Лёше показалось было, что там не очень хорошо поняли, о каком странном случае идёт речь, но во второй раз беспокоить милицию не хотелось. Тогда он набрал «01».

— Товарищ пожарный, — закричал Лёша в трубку, — выслушайте внимательно: в восемь часов на Угловой улице будет пожар, дом номер девять!..

— Спасибо, знаем, — ответили ему и повесили трубку.

«Что они, свихнулись все?..» — думал он, одеваясь. — Или не верят? Думают, что разыгрываю. Нужно пойти хоть жильцов предупредить».

Наскоро написав записку маме, чтобы не беспокоилась, Лёша Копейкин выбежал на улицу. Времени оставалось только забежать за Саввой.

Было уже совсем темно.

(Продолжение следует.)

Владимир АЛЕКСЕЕВ

А т а к а

*Рисует Вовка на стене
обыкновенным мелом:
колонна танков на войне
идёт в атаку смело.*

*А следом конники летят
стремительно, как птицы.
А следом стройно,
по три в ряд,
шагают пехотинцы.*

*А следом тянут тягачи
ракеты и орудия.
И самолёт над ними мчит,
пронзая тучи грудью.*

*А следом — крейсер на волнах
и два эсминца — сила!..
Но дальше кончилась стена,
и места не хватило.*

— А что потом?
А что потом? —
Спросил у Вовки Сёма.
— А что потом?..
Давай пойдём
к стене другого дома!

СКУЛЬПТУРА ИЗ... МАСЛА

Известно, что животное масло используется для еды. Однако в Тибете ещё в X веке буддийские монахи изобрели своеобразный вид искусства — ваяние по маслу, в котором и добились больших успехов. Все монастыри Тибета ежегодно направляли в столицу горной страны — Лхассу — своих лучших ваятелей. На фестивале «Монлам» (выставка скульптур) они демонстрировали своё искусство.

Материалом для работы служило масло, получаемое из молока яков — домашних животных, разводимых в высокогорных районах. Скульптуры носят религиозный характер. После очередного фестиваля и вручения премий скульптуры не сохраняются, они разбиваются на куски и отдаются бедным.

ВЫУДИЛ... АКУЛУ!

Рыбак — любитель Б. Зубарев — свя-зист Одесского от-деления перевозки почты — вышел на лов в районе при-города Одессы — 16-й станции Боль-шого Фонтана. Вдруг он почувст-вовал на крючке необычную тяжесть. Зубарев втащил в лодку полуторамет-ровую черномор-

скую акулу. В те-чение часа он пой-мал ещё двух акул!

Черноморска я акула, или катран, как называют её рыбаки, заходит осенью в Одесский залив. Она дости-гает двух метров в длину. Поимка сра-зу трёх акул — большая редкость на одесском побе-режье.

ВЕРТОЛЁТ В... ЧЕМОДАНЕ!

Киевскими инже-нерами разработан проект вертолётa индивидуальнo гo пользования. Челo-век на нём может подняться на высо-

ту нескольких де-сятков метров, ле-теть со скоростью 140—160 километ-ров в час, призем-литься на любой площадке размером 3—3,5 метра.

Аппарат разме-щается в пластмас-совом чемодане длиной меньше мет-ра. Сборка и под-готовка вертолётa к полёту занимает всего три минуты. Столько же време-ни нужно и на раз-борку.

ВОТ ТАК ПАССАЖИР!

У самолёта «ИЛ-18», отлетающего рейсом Фрунзе — Москва, появился... четвероногий пас-сажир. Это был ослик. Стюардесса запротесто-вала. Ещё бы! В самолёте — ослик! Но хозяин предъявил все необходимые документы и билет. К тому же малыш вёл себя безупречно. Он смиренно сидел в рюкзаке и дружелюбно по-сматривал на окружающих. В пути необычный пассажир пользовался всеобщим вниманием.

Благополучно преодолев путь в 3600 километ-ров, ослик прибыл в Москву в качестве живого среднеазиатского подарка московским друзьям.

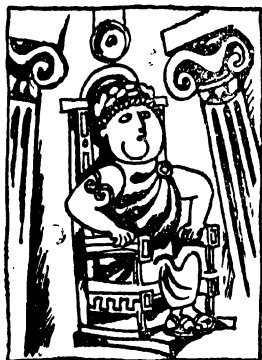
...свыше полутора тысяч фотографий, работы мастеров из шестидесяти стран мира, было представлено на Международной фотовыставке в Москве, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина?

...до 6 миллионов пассажиров перевозит ежедневно в нашем городе городской транспорт? Обследования пассажирских потоков, проведённые в 1963, 1966 и 1968 годах, показали, что трамвай перевозит 40,8 процента пассажиров, на втором месте автобус — 32,2 процента, на третьем метро — 13,6 и троллейбус — 13,4 процента.

...лифт — один из древнейших механизмов, придуманных человеком? Патриции Древнего Рима ещё две тысячи лет назад поднимались на верхние этажи своих дворцов в креслах, используя силу рабов и несложную механизацию в виде канатов и колёс. В XIII веке «летающие кресла» появились во Франции. Особенно бурно лифтостроение стало развиваться в начале нашего века, когда во многих городах мира стали подниматься небоскрёбы. Нормальная жизнь людей в них во многом зависит от вертикального транспорта.

...на наших дальневосточных островах растут необычные травы, их верхушки поднимаются над землёй на три-четыре метра? Немало таких травяных джунглей на юге Сахалина и Курил. Вдоль рек и на влажных горных склонах встречаются непроходимые заросли трёхметровой «медвежьей дудки» или сахалинской гречихи, которые с головой упрячут всадника. На дальневосточных островах насчитывается более ста различных видов трав-«гигантов».

...более чем за 220 лет добычи золота на Урале найдено много уникальных самородков самой причудливой формы? Найденный самородок весом в 20 килограммов напоминает голову собаки, другой называют «заячьими ушами». Недавно нашли сразу четыре самородка, и один из них похож на львёнка.

...советские учёные обнаружили в горах Антарктиды озёра, покрытые слоем льда? Глубина некоторых из них — около 90 метров. Среди озёр есть довольно крупные — площадью до 10 квадратных километров. Озёра расположены на большой вы-

соте — до тысячи метров над уровнем моря.

...в одном из залов Морского музея в городе Констанце (Румыния) собрано свыше 400 картин, посвящённых истории судостроения? Полотна привлекают внимание не только точностью воспроизводимых деталей, но и тем, что их создателю — бухарестскому художнику Еуджену Щербине — удалось отобразить пейзаж и специфические особенности эпохи.

...население мира составляет сейчас 3 миллиарда 420 миллионов человек? С середины 1958 года оно увеличилось на 516 миллионов.

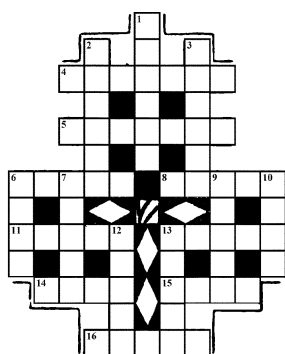

...член секции спелеотуризма нашего города Геннадий Степных — слесарь СКБ текстильной промышленности — провёл под землёй в полном одиночестве более пяти суток? Этот опыт по длительному одиночному пребыванию человека в подземном лагере был организован в конце 1971 года впервые в нашей стране. Спуск был произведён в Саблинских пещерах. Сто двадцать пять часов Геннадий провёл под землёй один, и только всплески от падающих со сводов намешков изредка нарушали окружающую его тишину.

КРОССВОРД

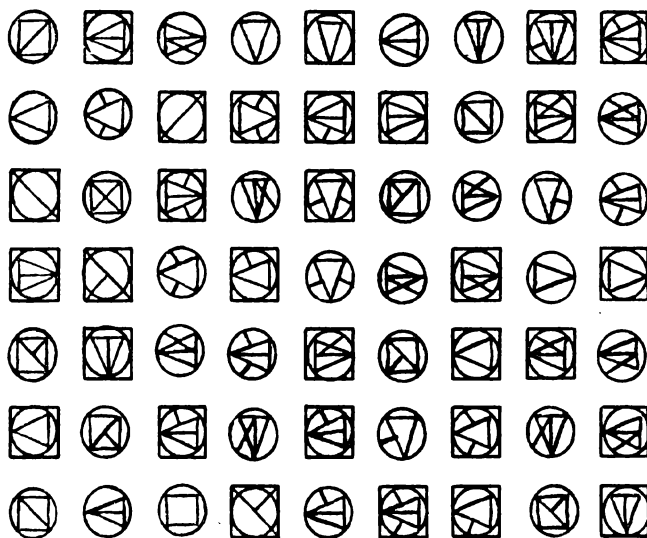
Отдел ведёт Вадим Ацентьев

По вертикали. 1. Конструкция, служащая для образования под водой или в водонасыщенном грунте рабочего пространства, свободного от воды. 2. Самая большая пустыня на земном шаре. 3. Ряд слов, букв или иных знаков, написанных или напечатанных в одну линию. 6. Повествовательный род литературы. 7. Водяное растение с длинным стеблем и небольшими овальными или узкими листьями. 9. Венгерский композитор. 10. Шахматная фигура. 12. Съедобный плод кокосовой пальмы. 13. Отражение нападения.

По горизонтали. 4. Светонепроницаемый футляр для предохранения светочувствительных материалов от засвечивания при фото- и киносъёмке. 5. Самоходная паросиловая установка, один из видов локомотива. 6. Приспособление для демонстрации фильмов. 8. Минерал. 11. Литературное произведение, в основе которого лежит изображение реальных фактов, событий, лиц. 13. Музыкальный духовой клавишный инструмент. 14. Поперечный стержень в верхней части якоря. 15. Место стоянки и ремонта подвижного состава. 16. Мельчайшая частичка горящего или раскалённого вещества.

ЗРИТЕЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Как вы думаете, сколько различных знаков можно отыскать на нашей таблице?

Заметьте время, которое вам понадобится для решения этой задачи... А сколько времени это займёт у вашего товарища?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 9, 12,
1971 года и № 1 1972 года)

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Решение смотри
на рисунке.

АРИФМОГРАММА

Ключевые слова: стойка, дед, щи,
ватт, нетто, Ге.

По спирали: «Кто ищет, тот всегда найдёт!»

СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ

Затушёванные клетки составят
«поло». В незатушёванных: баскет-
бол, футбол, хоккей, городки, во-
лейбол, теннис.

ЗАДАЧА СО СЛОГАМИ

1. Луна, насос, сосна, навес, вес-
на, навой, война, накат.

2. Ваза, закон, конвой, войско,
скоба, база, завод, водник.

ПОДБЕРИТЕ СЛОВА

Сила солону ломит.

БУКБЕННАЯ ЗАДАЧА

Сеча, белок, бур, отель, Невка,
плаун, ост, бурак, сума, бал, фрак,
барк, гол, рука, плот, кара.

КРОССВОРД

По вертикали. 1. Фасад. 2. Стра-
тосфера. 3. Сколопендра. 4. Кирза.
7. Слесарь. 10. Полоз. 11. Чибис.

По горизонтали. 5. Панты. 6. Скрип.
8. Параллелизм. 9. Россыпь. 12.
Конференция. 13. Кобра. 14. Армия.

АНАГРАММА ПОСЛОВИЦЫ

Лето, ёрш, лев, рейка, овин, уха,
сети.

ЗАДАЧА СО СЛОГАМИ

Пума, драма, пудра, мама.

ОДНИМ РОСЧЕРКОМ

Нужно провести линию через две
нечётные точки (б—й или д—ж).

«Нечётные точки» — такие, от
которых отходит нечётное количест-
во линий.

Содержание

Через годы были...	Стихотво- рение В. Николаева	1
Романтик и фантазёр.	Очерк А. Мойжес	2
Ночь. «Ох, до чего солдатский крепок сон!»	Стихи Влади- мира Протасова	11
Кошмарный русак.	Рассказ Олега Грудина	12
Почему мы так говорим . .		15
Интернациональная баллада.	Стихотворение Иосифа Кур- лата	18
Шептало.	Рассказ В. Суслова	19
Командир «летающего ромба».	Очерк Эд. Аренина	28
Прыгать — значит прыгать.	Рассказ Леонида Палея	33
Синее знамя на белом снегу.	Рассказ Якова Длуголенско- го	36
Бананы и лимоны.	Продолже- ние повести Владимира Ар- ро	48
Дело было на войне...	Страни- цы	10, 17, 27, 32, 53, 57
Атака.	Стихотворение Влади- мира Алексеева	60
Пёстрые заметки		61
Клуб смекалистых ребят . .		63

На 1-й странице обложки рису-
нок художника П. Вискова «На
ученьях».

На 2-й и 3-й страницах обложки
фоторепортаж Л. Новикова «Ар-
мейские будни».

На 4-й странице обложки зага-
дочная картинка Ю. Шабанова
«Четыре танкиста и собака».

Редактор В. Л. БИАНКИ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков,
И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, А. И. Млодик,
В. Н. Суслов (редактор-составитель).

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55

Сдано в набор 30/XII 1971 г. Подписано к печати 3/II 1972 г. 4 п. л.
М-18622. Зак. № 527. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 65 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата
Ленинград, Фонтанка, 57

ЧЕТЫРЕ ТАНКИСТА И ДРУГ ИХ СОБАКА —
НА ЭТОЙ КАРТИНКЕ ВСЕ ВМЕСТЕ. ОДНАКО

НАЙТИ ИХ НЕ ПРОСТО, ЗАПРЯТАЛИСЬ ЛОВКО:
ВЕДЬ ОЧЕНЬ ВАЖНА НА ВОЙНЕ МАСКИРОВКА!